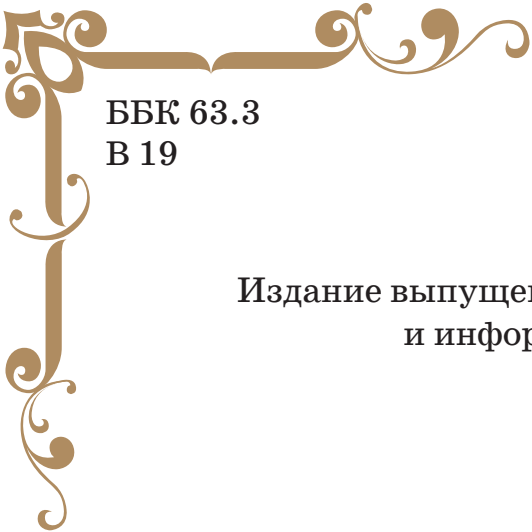

Васильченко Т.

Эмир Тимур

аруна
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ББК 63.3
В 19

Издание выпущено по программе Министерства культуры
и информации Республики Казахстан

Васильченко Т.

В 19 Эмир Тимур. История, личность, время. – Алматы.
«Аруна», 2007. – 96 с. – Серия «Знаменитые люди Востока».

ISBN 9965-26-242-X

«Эмир Тимур» – красочно иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, которая доступно повествует о жизни знаменитого полководца и государственного деятеля эмира Тимура. В молодости в одном из сражений в окрестностях Туркестана он был ранен в ногу. В связи с этим получил прозвище Хромой Тимур. В результате непрерывных войн Тимур создал великую империю, не уступающую по величине империи Чингис-хана.

ББК 63.3

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

К $\frac{0503020905}{00(05)07}$

ISBN 9965-26-242-X

© ТОО «Аруна Ltd.», 2007

Содержание

Глава первая

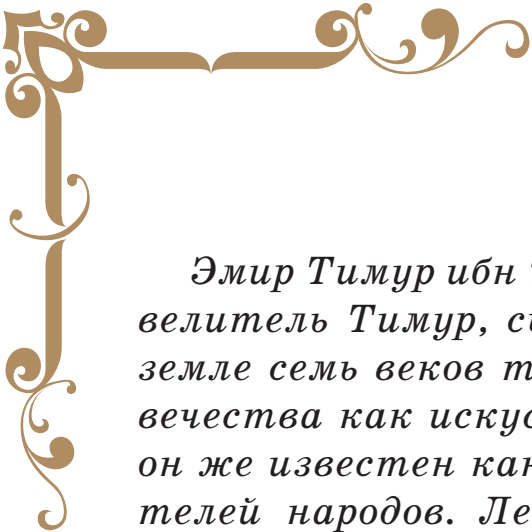
Пророчество предка5

Глава вторая

Борьба за Мавераннахр..... 28

Глава третья

Восхождение, или путь садовника62

Эмир Тимур ибн Тарагай Бахадур, что значит – повелитель Тимур, сын Тарагая Бахадура, живший на земле семь веков тому назад, вошел в историю человечества как искусный полководец своего времени. И он же известен как один из самых жестоких покорителей народов. Летописи разных стран сохранили для потомков описание событий его жизни, хотя называли его разными именами или, скорее, прозвищами: Тамерлан, Тимурленг, Темир Аксак, что означает Железный Тимур, Тимур Хромец...

Тамерлан был ненасытен в своем стремлении завоевывать страны и покорять народы. Это и принесло ему славу – кровавую славу. И даже столетия не стерли из памяти человечества грозного имени – Тамерлан.

И мало кто вспоминает сейчас о том, что в облике кровавого завоевателя была и другая сторона. Он почитал ученых, проявлял величайшее уважение к архитекторам, к мастеровым людям, трепетно относился к книгам, хотя сам не владел грамотой. Он держал при себе чтецов, которые читали ему старинные рукописи, а он часами их слушал.

Город Самарканд, который Тимур сделал столицей своего государства, в годы его правления превратился в архитектурную сказку – так великолепны были построенные по приказу эмира дворцы, мечети, мавзолеи...

В молодые годы у Тимура были товарищи, уважавшие его за отвагу и прямоту нрава.

И когда-то он был просто младенцем, которого с трепетом прижимала к груди женщина, подарившая ему жизнь...

Пророчество предка

Металл апреля – железо, а камень – алмаз, а что может быть тверже алмаза?

Линда Гудмен

Он родился в селении Ходжа-Ильгар, недалеко от города Кеш*, расположенного к югу-востоку от Бухары. Земли эти – бывшее царство сына Чингис-хана Чагатая – лежали между руслами двух рек – Амударьи и Сырдарьи и назывались Междуречьем. От арабов исходило другое их название – Мавераннахр.

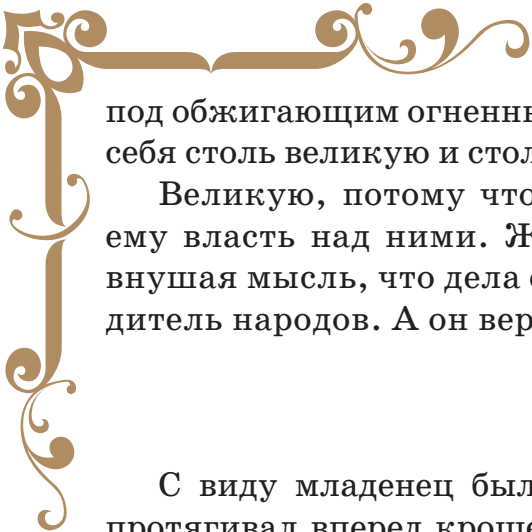
Отец его, Тарагай Бахадур, был потомком кочевников, но сам вел оседлый образ жизни. Небогатый бек, он был благочестивым мусульманином, имел небольшой надел земли. Принадлежал Тарагай-бек к роду, вышедшему из чагатайского племени барласов. В средние века Чагатаиды населяли весь Мавераннахр, Семиречье и Кашгарию. Многие из них склонны были причислять себя к потомкам Чингисова сына Чагатая и очень гордились этим. Другие довольствовались тем, что живут рядом с потомками Чагатая, и тоже гордились. Чагатай, как известно, славился воинственным нравом и всегда сопровождал своего отца в военных походах.

Время, явившее миру Тамерлана, также отличалось воинственностью. Не эти ли два обстоятельства, сложенные вместе, легли печатью на чело младенца, которого терпеливая, как само небо над Туркестаном, Текин-хатун принесла своему супругу и повелителю Тарагаю Бахадuru в ночь на 9 апреля 1336 года?.. А она родила его именно в апреле. И если кто-то станет утверждать, что он родился в другой день или месяц, пусть усомнится. Ведь только ребенок, родившийся в апреле

*Кеш – современный город Шахрисябз в Узбекистане.

под обжигающим огненным оком планеты Марс, мог унаследовать для себя столь великую и столь жестокую судьбу.

Великую, потому что она подняла его над народами и вручила ему власть над ними. Жестокую, потому что она обманывала его, внушая мысль, что дела его – благие, и сам он – величайший освободитель народов. А он верил в это.

* * *

С виду младенец был обыкновенным орущим несмышлёнышем, протягивал вперед крошечные сжатые в кулачки ручки и перебирал ножками, как это делал бы любой другой только что появившийся на свет малыш. Бесстрастно мерцали над матерью и сыном звезды, словно чья-то могущественная рука незримо нажимала на судьбоносные клавиши, рассчитывая на небесном компьютере будущее малютки.

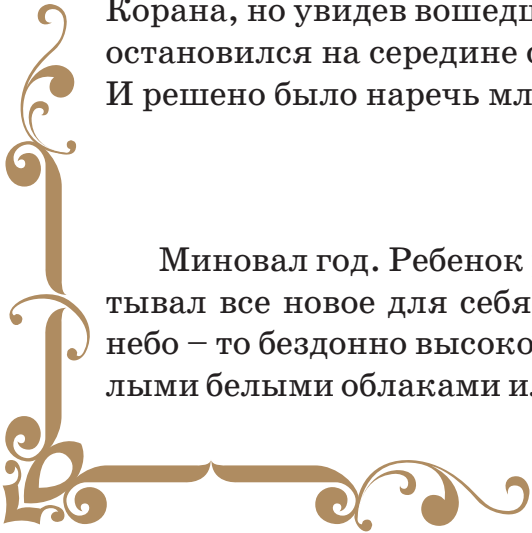
А где-то уже вздрагивала земля, предчувствуя тяжелую поступь завоевателя. И не одна невинная душа, едва вступившая в эту жизнь, заметалась в страхе, ощутив смертельный холод, исходящий от этих протянутых к миру младенческих ручек...

И только мать, разрешившаяся от бремени, жила в эти мгновения одним ощущением счастья: ребенок родился здоровеньким, голосистым. Пусть кричит, возвещает миру о своем прибытии. Текина-хатун не задумывалась о далеком будущем – своем и своих детей. Каждый день приносил ей привычные заботы, и этого было достаточно, чтобы заполнить ее жизнь смыслом и дать удовлетворение.

Она знала, что главное – выносить в своем чреве и родить дитя. Вскармливать его, пока не появится достаточно крепости в его ногах и руках. А тогда он и сам ухватится за лакомый кусочек мяса, не упустит своего.

Тарагай-бек, отец младенца, отнес новорожденного для благословения к шейху Шамсуддину. В эти минуты шейх предавался изучению Корана, но увидев вошедшего к нему Тарагай-бека, прервал чтение. Он остановился на середине стиха, в котором встретилось слово «Тимур». И решено было наречь младенца Тимуром.

* * *

Миновал год. Ребенок рос рядом с матерью и жадным взглядом впитывал все новое для себя в окружающем мире. Вверху над ним было небо – то бездонно высокое, недостижимое, то низкое, обрамленное пухлыми белыми облаками или влажными серыми тучами. Внизу – земля,

местами покрытая мягкой податливой травой, а местами совсем голая, вытоптанная множеством ног.

Он воспринимал как данность воздушную легкость неба, до которого нельзя было дотянуться руками, и твердость земли, которая сама тянула его к себе, даря бесчисленные шишки и ссадины. Но стоило ли огорчаться маленьким неприятностям, если всё окружающее, бесспорно, принадлежало ему? Все, что можно было охватить взглядом: и небо, и земля, – всегда были здесь, с ним. Как и его мать Текина-хатун, и бабушка Сайда, и девочка-сестрѐнка по имени Кулсум, и многочисленные тетушки – сестры отца, и все остальные родственники с их детьми, попадавшие в поле его зрения. Отец был сторонником строгого воспитания. Ребенок чувствовал это и предпочитал не смотреть в его сторону.

Зато он любил смотреть, как мать варила мясо. Она отделяла его от костей и разрезала на множество кусков. Потом бросала в пыхтящий на огне котел и долго варила, изредка заглядывая под крышку. Иногда ей помогали другие женщины – сестры мужа или жены двух его братьев.

Очаг был устроен под открытым небом. Ребенка сажали на кошму поодаль, чтобы дым из-под котла не попадал ему в глаза. От варева шел крепкий, дурманящий нежное детское обоняние дух. Мать что-то приговаривала, не отрываясь от дела, может, с ним говорила, может, с огнем, над которым шипело варевое. Он ждал, выражая нетерпение. Каждое движение матери, колдующей над котлом, он знал наизусть и, не скрывая, проявлял свой восторг, когда та брала в руки черпак. Аромат, насыщающий пространство, собирал в большой круг всю семью. Мать доставала кусок мяса из котла, дула на него, вытянув губы, и манила ребенка рукой: вставай, иди сюда! Вот лакомство, которое будет для тебя наградой!

Это был долгожданный для него момент. Но малыш, хоть и очень подвижный, еще не совсем крепко держался на ножках. Одежки стесняли его, а земля цепко держала его сзади, не давая проворно подняться и сделать шаг. Он сердился, громким криком выражал недовольство. А мать смеялась и окликала девочку, что всегда вертелась где-нибудь неподалеку.

– Эй, Кулсум, иди сюда, накорми-ка брата!

Та подбегала, брала из рук матери чуть приостывшее мясо и несла его брату, продолжая старательно дуть, чтобы малыш не обжегся.

Иногда же мать сама подходила к нему и протягивала сочный ароматный кусочек, за который жадно хваталась детская рука. Он с радостью впивался в мясо деснами с уже несколькими появившимися

молочными зубами, ощущал его сок, и ничто больше не привлекало его внимания – ни небо, ни облака, ни люди, собиравшиеся вокруг котла...

А время отстукивало мгновения, которые быстро превращались в дни, месяцы, годы, и никогда не останавливалось...

* * *

Старая бабушка Сайда в душе обожала внука. Правда, мальчишкой он рос своенравным, за дерзость не раз попадал в немилость к отцу. И если получал наказание за свои шалости, не винился, как другие дети, а, отбежав в сторону, грозил в ответ маленьким кулачком. Но детская душа его отличалась отходчивостью. Он быстро забывал обиду, и лицо его снова озарялось радостью жизни и уверенностью в себе. Среди ровесников – а ему уже минуло семь лет – Тимур был заводилой.

Бабушка, в отличие от отца и матери, прощала ему многие детские выходки. И когда, утомившись, он и его друзья – Мидхад, Раджаб, Шагип и Сафа – рассаживались у ее ног, она рассказывала им сказки, потрясающие детское воображение, и истории о далеких странах, о могущественных правителях и о еще более могущественных военачальниках, которым покорялись даже самые гордые из правителей.

Глаза Тимура загорались, брови на его детском личике надменно сдвигались, он вдруг соскакивал, начинал рубить перед собой воздух воображаемым клинком:

– Трах! Бах!

Тут же вскакивали мальчишки и носились за ним, подражая и упираясь восторгом игры:

– Тра-ах! Ба-ба-ах!

Бабушка Сайда, хоть и оставалась на месте, но тоже начинала махать руками, чтобы утихомирить сорванца, и огорченно восклицала:

– Неугомонный! Если ты сейчас же не сядешь и не будешь слушать меня, ты никогда не узнаешь, что было дальше!

Он не сразу успокаивался, но желание узнать конец истории побеждало в нем воинственный мальчишеский пыл.

Иногда, оставаясь наедине с бабушкой, маленький Тимур прижимался к ней со всею искренностью, на которую способен проказливый, непослушный мальчишка. Их секреты слышали только ветер, да небо, да трава под ногами.

– Бабушка, почему отец так строг со мной? Когда я вырасту и стану сильным, я не позволю ему наказывать меня.

– Не говори так. Всякий сын должен повиноваться своему отцу.

– Но он часто оставляет меня без еды, когда хочет наказать. А если я умру от голода?

– Ах ты, хитрец! Разве твоя бабушка не приносит тебе тайком вкусные кусочки мяса?

– Да! Но ведь отец этого не знает.

– И пусть не знает. А то рассердится!

– А почему же ты, бабушка, это делаешь?

– Потому, радость моя, что хочу, чтобы ты вырос большим и сильным. А без еды ты будешь худым и хилым.

– Бабушка! А скоро я стану большим и сильным?

– Так скоро, что и не заметишь! И тогда ты поскачешь по чистому полю на быстром коне...

И бабушка в который раз начинала самый чудесный из своих рассказов. Это был рассказ о том, каким сильным, красивым и храбрым воином будет ее любимый Тимур. Какое богатое седло будет на его коне, а сбруя будет украшена золотом и серебром. Какая на нем будет красивая одежда! Сколько подвигов он совершит! И всегда у него будет вдоволь еды и питья...

И глаза мальчишки загорались.

Огонек пламени непрерывно трепетал в этой юной душе. Со временем он набирал силу, осложняя жизнь маленькому Тимуру и всем, кто его окружал. И только мудрая и добрая бабушка Сайда умела обласкать внука и поддержать его своей любовью и пониманием.

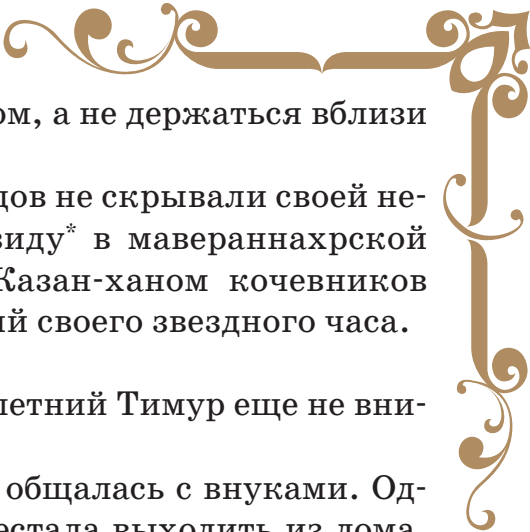
* * *

Прошло три года.

В Мавераннахре людям жилось беспокойно. Мелкие феодальные владения, из которых состояло государство не могли укрепить его. Каждый бек, каждый эмир жил здесь по своим законам. Одни осели на земле и не хотели возвращаться к тяготам кочевой жизни. Другие не желали расставаться с кочевой волею.

Правивший в Мавераннахре в те годы хан Казан мучился мыслями о том, как укрепить страну, чтобы создать единое сильное государство. Он хотел сделать Мавераннахр богатым, развитым центром оседлой жизни.

У хана Казана было немало сподвижников. Это были те, кто уже стал земледельцем. Но сильна была в Мавераннахре кочевая военная аристократия. Кочевники предпочитали оставаться вольными людьми, не привязанными к своим домам и хозяйству. Они хотели свободно пере-

двигаться по холмам и степям со своим скотом, а не держаться вблизи городов.

И потому главы чагатайских кочевых родов не скрывали своей ненависти к Казан-хану, последнему Чингизиду* в мавераннахрской части Чагатайского улуса. Недовольных Казан-ханом кочевников возглавил бек Казаган, коварно выжидавший своего звездного часа.

Правда, в эти проблемы взрослых десятилетний Тимур еще не вникал. У него были свои радости и беды.

Бабушка Сайда все чаще хворала и реже общалась с внуками. Однажды, разболевшись не на шутку, она перестала выходить из дома, чтобы погреться на солнышке или посидеть в тени под навесом. Не могла больше шерсть в клубки своими худощавыми руками в коричневых прожилках и не рассказывала захватывающих историй. Бабушка лежала на своей постели, укутанная теплыми одеялами, ни на что не жалуясь и никого не обременяя своим недугом.

Детей предупредили, чтоб не входили и не беспокоили бабушку, но любимый внук ухитрился проскользнуть к ее постели незамеченным. Затаив дыхание, он смотрел в ее угасающие глаза и шептал:

– Бабушка, это я, Тимур... Меня не пускали, а я пришел... Бабушка, ты слышишь меня?

Иногда бабушка не отвечала, и огорченный мальчик демонстративно удалялся, уже не боясь привлечь чье-то внимание.

Было обычное утро, когда Сайда попросила своего сына Тарагая, отца Тимура, собрать к ней всех старших членов семьи. Вскоре в комнату, тускло освещенную утренним светом, пробивающимся через узкое окно, пришли сам Тарагай с женой Текиной-хатун, два брата его – Таджи и Фасхи со своими женами и две незамужних сестры. Никого из детей не позвали. Им велено было вести себя смирно: не шуметь и никого не беспокоить.

Лицо бабушки расправилось, и почти потухшие глаза ее светились холодным ясным светом.

– Сегодня во сне, дети мои, – тихо, но отчетливо произнесла бабушка Сайда, – я увидела как живого вашего деда Кажула. Он сказал, что пришло мое время покинуть этот мир и перебраться в другой, откуда нет дороги назад.

Она закрыла глаза и сделала паузу, словно произнесенные слова отняли у нее много сил. Строгие лица собравшихся выражали скорбное почтение, никто не нарушил нависшей тишины.

*Чингизиды – так называли с тех давних времен потомков Чисгис-хана.

– Перед тем, как сновидение мое рассеялось, – продолжала Сайда, – Кажул успел произнести пророческие слова. Вот что он сказал: один из моих племянников или внуков достигнет высочайших вершин в этой жизни, завоевав царства и покорив народы... Монархи мира будут повиноваться ему... Его будут считать счастливейшим из людей, и золото будет для него – как пыль...

Снова наступила тяжелая пауза.

– Но это не все, – бабушка Сайда утомленно вздохнула. – Он сказал еще... И это очень важно...

Бабушка Сайда не успела произнести последних, самых важных слов явившегося к ней во сне Кажула, так как в комнату вихрем влетел Тимур. Никем не замеченный, он стоял все это время за болтавшейся в проеме двери занавеской и слышал все, что говорила Сайда. Расталкивая взрослых, он бросился к умирающей и закричал:

– Бабушка! Это буду я! Я, бабушка! Я – этот герой!..

Он задыхался от охвативших его чувств, слезы градом катились по его щекам, а лицо выражало решимость. От неожиданности никто из старших не смог произнести ни слова. И только бабушка Сайда, бросив отчаянный взгляд на любимого внука, в смятении прошептала:

– Да хранит тебя небо, дитя мое...

После этого силы покинули ее окончательно, и только глаза, устремленные куда-то вверх, за пределы низкого серого потолка, да губы, которыми она беззвучно шевелила, выдавали теплившуюся в ней жизнь. Быть может, она силилась еще произнести те важные слова, которыми предок Кажул завершил свое пророчество. Но даже самое чуткое ухо не смогло бы теперь уловить затаенного смысла в беззвучном шевелении старческих губ.

– Что ты себе позволяешь, негодник? – прошептал отец, с трудом сдерживая гнев. Глаза его при этом метали молнии. – Выведите его... Выведите вон!

Текина-хатун схватила разгоряченного сына за руку, сердито шепча ему: «Пойдем, пойдем...», – и потянула к двери. Но он вырвался. Цепляясь за пестрые одеяла, укрывавшие бабушку Сайду и заглядывая ей в глаза, мальчик все повторял:

– Бабушка! Скажи, что это я! Ты же знаешь, бабушка? Это я?

Слезы градом катились по его щекам. Наконец, мать и тетки увели его. Оставшиеся в комнате Тарагай, Таджи и Фасхи еще некоторое время сидели у изголовья матери, но она ничего больше не произнесла.

Вскоре бабушка Сайда впала в спокойное, умиротворенное беспмятство, а к вечеру душа ее тихо покинула тело.

* * *

Тимура ждало наказание за его дерзкий поступок. Он осмелился прервать предсмертные речи той, что покидала бренный мир навсегда. Умиравшая Сайда так и не открыла до конца пророчества почтенного предка Кажула. Она также не успела произнести последнего напутствия и благословить своих детей.

Бабушку Сайду провожали в последний путь. Рассерженный выходкой сына Тарагай приказал запереть Тимура в запыленной пристройке, служившей кладовой, где хранились старые вещи, а в углу стоял огромный застеленный тряпьем топчан. Тарагай решил, что только так можно удержать такого сорванца, чтобы он не выкинул еще что-нибудь или не убежал. Ведь теперь не было рядом с ним уважаемой всеми бабушки Сайды, которая всегда защищала его и покрывала все его провинности.

Тимур сидел на топчане в полутемной кладовке, шаркая ногами по земляному полу, и угрюмо глядел на запертую снаружи дверь. Он был огорчен смертью бабушки, а не ожиданием отцовского наказания, которое, каким бы оно ни было, вызывало в его душе не страх, а только протест.

Мальчик поглядывал то на углы, то на дверь. Много раз он бывал в этой старой кладовой, но впервые его здесь заперли. Что ж, если отец хотел его наказать, то можно сказать, что он уже это сделал. Сидеть в захламленном старыми вещами помещении было для Тимура невыносимо. Сначала он собирался гордо ждать, пока к нему кто-нибудь войдет. Но время шло, а к запертой двери никто не подходил. Словно все о нем забыли. Тогда он решил внимательнее осмотреться.

Под низким потолком было два небольших окна. Одно из окон, на котором была решетка, свободно пропускало воздух и свет. Другое, расположенное над топчаном, было просто заткнуто пыльной рогожей. День едва перевалил за середину, и света вполне хватало, чтобы видеть, что находится внутри. Он обошел углы, потрогал руками стены, словно хотел удостовериться в их несокрушимости.

На вбитом в стену крюке висела богатая конская сбруя. Ее украшали потемневшие от времени серебряные подвески и кисти из цветной шерсти. Рядом висели потертые седла без украшений. В дальнем углу лежали сваленные в кучу потники. На крюках пылились старые пустые бурдюки для воды, здесь же болталось несколько плеток и длинный хлыст.

Тимур приподнялся на цыпочки и попробовал снять со стены седло, чтобы посидеть на нем верхом, представляя себя непобедимым героем на коне. Но седло оказалось тяжелым и никак не хотело соскакать с железного крюка. Под потниками, сваленными в угол, он заметил старый, давно изодранный, скрученный в рулон войлочный текмет. Задышавшись от тяжести и пыли, мальчик подтащил ковер к стене, придвинул к ней вплотную и влез на рулон, как на горку.

Седло, наконец, поддалось. Оно неожиданно легко сдвинулось с державшей его опоры и сразу полетело вниз, сбивая по пути «непобедимого героя» и при этом больно саданув его по щеке и плечу. Тимур поднялся, потирая ушибленные места. От виска по щеке потекла струйка крови. Покрытое толстым слоем пыли седло валялось рядом, как бесстрастный свидетель его неудачи. Но разве настоящий герой может смириться с поражением?

– Старье! – презрительно произнес он и пнул седло ногой.

Он сдернул со стены плетку и стал размахивать ею, а потом подскочил к двери:

– Что? Стоишь тут... уперлась в косяк... Сейчас ты у меня заскрипишь всеми петлями! А вернее – захрипишь!

И удары плетки посыпались на дверь. Он хлестал плеткой по двери, пока не устала рука.

Но дверь не издала ни скрипа, ни стога. И эта игра быстро надоела ему.

Друзей рядом не было. Тимур бросил плетку на пол и попробовал толкнуть дверь плечом. Она не поддавалась.

Ему вдруг нестерпимо захотелось на волю! Захотелось промчаться на резвом коне по широкому простору, где до самого горизонта нет ни одной преграды на пути! И чтобы сбруя – с серебряными и золотыми подвесками... И чтоб седло не старое, облупленное, как это, а отделанное дорогой резьбой, а конь – самый быстрый, с лоснящимися боками и развевающейся по ветру гривой! И чтобы сто нукеров* – рядом! И чтобы весь мир – у его ног! Как предрекала бабушка...

От нарисованной воображением картины пересохло во рту. Тогда он несколько раз шепотом повторил бабушкины слова, вслушиваясь в них, как в волшебную музыку: «Монархи мира будут покоряться ему... Монархи мира будут покоряться...»

Усевшись на топчан, Тимур подобрал под себя ноги и стал размышлять о нукерах. Хватит ли ста нукеров, чтобы покорить мир? Нет, ста нукеров, пожалуй, мало. Нужна тысяча! Но неустрашимых нукеров у него не было. Была лишь ватага мальчишек, которыми он верховодил.

*Нукеры – конные слуги.

Но где они сейчас? Почему не приходят ему на помощь? В это время за стеной слышались возня и приглушенные голоса. Там горячо о чем-то спорили. Возня усилилась, и в зарешеченном окошке появились сначала две руки, которые тут же ухватились за железные прутья. Потом выплыло лицо.

– Мидхад! – Тимур от радости рассмеялся.

– Тимур! – отозвался Мидхад, пытаюсь разглядеть в полумраке кладовой друга.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Твоя сестра Кулсум сказала.

Мидхад пытался раскачать решетку.

– Еще она сказала, что ты сильно разозлил отца, и теперь он тебя накажет.

– Ну что там? – окликнул голос снизу.

Тимур узнал Раджаба.

– Качается, – ответил Мидхад.

Кажется, решетка и, правда, поддавалась. Только сил у мальчишки было маловато. К тому же он стоял на плечах своего товарища и мог в любой момент свалиться.

Видя тщетность этих усилий и сгорая от нетерпения, Тимур вскочил на топчан и попробовал изнутри выдернуть рогожу из второго окна. Присутствие друзей прибавляло силы. Он царапал в кровь пальцы, стараясь протиснуть их в какую-нибудь щель, чтобы ухватить отвердевшую рогожу. Но окно было маленьким, и плотно втиснутый в него комок грубой ткани как будто намертво сросся со стеной.

Нет, он не сдастся! Там, за стеной, его друзья ... Он должен быть с ними!

Тимур перетащил от противоположной стены к зарешеченному окну свернутый войлочный ковер и снова стал мостить его в виде горки. Теперь он мог ухватиться за прутья решетки вместе с Мидхадом и раскачивать их до тех пор, пока крепления решетки не ослабнут. Наконец, она поддалась. За маленьким окошком, сквозь которое вполне мог пролезть не слишком толстый мальчишка, была желанная свобода.

Немного усилий, чтобы протиснуть свое худощавое гибкое тело в узкий проем окна, всего несколько минут – и он уже стоял на глинистом уклоне за задней стеной пристройки – исцарапанный, грязный, уверенный в себе и непобежденный.

Когда, запыхавшись от бега, мальчишки остановились на заросшем лопухом и колючками пустыре, Тимур огляделся по сторонам и молча махнул рукой. Они побежали к стоявшему за пустырем давно забро-

шенному дому, от которого остались только полуразвалившиеся стены. Там можно было перевести дух.

– Тебя что, отец до крови избил? – показывая на ссадину, из которой по щеке еще сочилась кровь, спросил Шагип.

Тимур молча мотнул головой.

– Эй, Тимур, тебя хоть кормили там, в этом сарае? – поинтересовался Сафа.

– Никто меня не кормил. Я могу и без еды обходиться.

– И без воды тоже? – допытывался Сафа.

– Нет, без воды никто не может обходиться, – уверенно заявил Раджаб.

– А я могу и без воды, – топнул ногой Тимур.

Подумал и добавил:

– Если, конечно, воды нет. А когда есть, напьюсь побольше, чтоб долго пить не хотелось.

– Ну, если ты напьешься побольше... Если, например, целый бурдюк воды выпьешь... Тогда знаешь, что будет?.. – Раджаб громко расхохотался.

– Что? – Тимур яростно метнул взгляд в сторону весельчака.

– До дувала не добежишь, вот что! – Раджаб снова залился от смеха.

– Ты что болтаешь? Добежит! – вступил в спор Шагип. – Это ты, может быть, не добежишь, а он добежит!

– Попробуй добеги, если в твоём животе целый бурдюк воды! – не сдавался Раджаб, еще больше заводя Тимура. – Пока бежать будет, половина бурдюка на землю выльется! И придется ему штаны на дувале сушить!

– Это кому придется штаны на дувале сушить? Это мне штаны на дувале сушить? – Тимур двинулся на Раджаба. – Мне?.. Да ты хоть знаешь, с кем говоришь?

– Да ладно! Что ты злишься? Я просто так сказал. Чтоб посмеяться. Да не маши ты руками!

Обеими руками вцепившись в одежду Раджаба, Тимур затряс его от обиды и гнева.

– Ты смеешься надо мной... над повелителем... всех царей и народов!

– Какой повелитель народов? – Раджаб пытался вырваться.

– Такой! Сам узнаешь, какой!

И они начали колотить друг друга.

Когда их разняли, носы у обоих были в крови. Мидхад, самый рассудительный из друзей, пытался помирить их.

– А чего он набросился на меня? – оправдывался Раджаб.

– Пусть не насмехается! Я – повелитель! Это предсказал предок Кажул...

И Тимур, сбиваясь, поведал друзьям о пророчестве, которое произнесла перед смертью бабушка Сайда.

– А ты уверен, что это она про тебя говорила? Ты точно знаешь? – недоверчиво глядя на Тимура, переспрашивал Сафа.

– А про кого же? – сердился Тимур. – Она как раз хотела сказать это... Сказать самое важное... Но я сам догадался!

– Да... конечно, – неуверенно поддакнул Шагиб. – Предок Кажул зря говорить не станет. И являться зря не станет.

Потрясенные неожиданным признанием Тимура все четверо замолчали. Каждый по-своему осмысливал услышанное. Да и сам виновник ссоры заново переживал все сказанное.

Первым заговорил Мидхад.

– Мы верим тебе. Ты всегда был у нас вожаком, кому же, как не тебе быть покорителем народов! – он оглянулся на друзей, ожидая поддержки.

И повторил:

– Мы все тебе верим!

– Вы мне верите? Но этого мало!

– Мало? А что же еще тебе нужно? – снова задиристо сказал Раджаб.

Тимур дал знак придвинуться поближе и таинственным голосом произнес:

– Вы должны стать моими нукерами... Вы должны поклясться мне в верности до последнего часа... Вот что мне нужно.

– Как это? – переспросил Сафа.

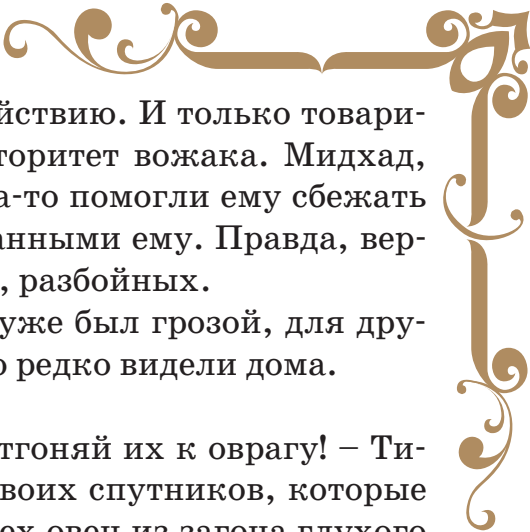
– Встаньте передо мной и поклянитесь, – приказал Тимур.

Все пятеро поднялись. Тимур принял торжественный вид.

– Клянемся! – как зачарованные, повторили четверо «нукеров».

* * *

С уходом из жизни бабушки Сайды кончилось для Тимура нежное детство. Никто больше не говорил ему ласковых слов. Отец и мать его жили по суровым законам своего времени. И уже к двенадцати годам сам он отличался лихостью и агрессивностью. Он научился стрелять из лука, владеть холодным оружием и усмирять под собой коня. Он свысока смотрел на тех, кто был, по его мнению, безволен и слабодушен.

Соседи видели в нем угрозу своему спокойствию. И только товарищи его по-прежнему признавали за ним авторитет вожака. Мидхад, Раджаб, Шагип и Сафа – те самые, что когда-то помогли ему сбежать из запертого сарая, оставались во всем преданными ему. Правда, верховодил он ими все больше в делах пагубных, разбойных.

К четырнадцати годам для одних Тимур уже был грозой, для других оставался кумиром. Темными ночами его редко видели дома.

– Эй, Сафа, заходи слева, а ты, Шагип, отгоняй их к оврагу! – Тимур придержал коня, дожидаясь еще двух своих спутников, которые только что под покровом ночи вывели четырех овец из загона глухого Зубаира, жившего на краю соседнего селения, и сейчас снова садились на коней. – Мидхад, Раджаб, живее!

Собака Зубаира, такая же старая и плешивая, как ее хозяин, запоздало почуяв чужих, злобно, отрывисто залаяла. Мидхад развернул своего скакуна, достал из притороченной к седлу сумки кость и играючи бросил ее собаке.

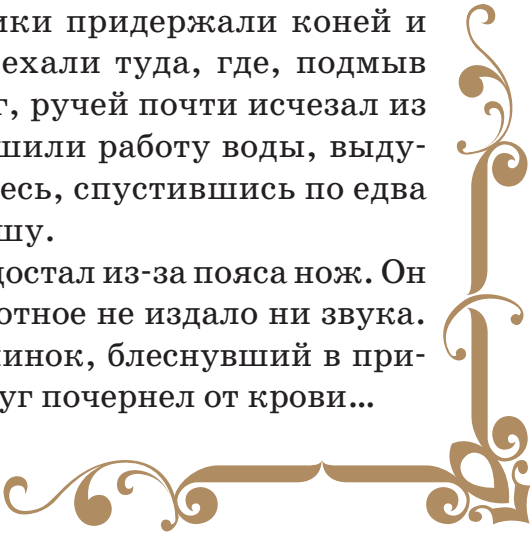
– Чего шумишь? Угощайся!

Пес угрожающе зарычал, но лаять перестал. Четыре всадника, спешившись у неглубокого оврага неподалеку от дома Зубаира, веревками опутали овцам ноги, снова вскочили на коней и вместе с пятым – нетерпеливо ожидавшим их на дороге – бесследно растаяли в ночи, унося на седлах свою добычу.

Старый пес облизал брошенную ему кость и виновато заскулил, подняв морду к небу. Низко над горизонтом висела безмолвная луна. Пес, поджав хвост, забрался в свою конуру. Луна неспешно плыла по небосклону, печалась и удивляясь деяниям людей.

Пятеро всадников, а это были едва входившие в пору возмужания подростки, уходили с добычей в сторону от села и наезженных дорог. Когда впереди блеснула в скользющем лунном свете гладь тихого, похожего на небольшую речку, ручья, всадники придержали коней и не спеша направились вниз по руслу. Они ехали туда, где, подмыв основание холма и образовав широкий овраг, ручей почти исчезал из виду в густых зарослях тугая. Ветры довершили работу воды, выдувая годами прежде крутые берега оврага. Здесь, спустившись по едва заметной тропе, всадники сбросили свою ношу.

Мидхад оттащил в сторону одну из овец и достал из-за пояса нож. Он действовал быстро и умело. Обреченное животное не издало ни звука. Казалось, ничего не произошло, и только клинок, блеснувший в призрачном ночном свете как осколок луны, вдруг почернел от крови...

У кромки тугая чуть заметно выделялся шалаш, сооруженный из сухого прошлогоднего камыша. Шагип проворно нырнул туда, вытащил котел и сквозь протоптанную в зарослях камыша и кустарника тропинку направился к воде. Как видно, сюда нередко наведывались, и все, что могло понадобиться для маленькой пирушки, было у друзей под рукой.

Раджаб колдовал над очагом, сооруженным из нескольких камней. Сафа подносил сушняк, охапки которого были аккуратно сложены под самой стенкой оврага, подальше от воды.

И только Тимур сидел в стороне, с интересом глядя на звезды. Видел ли он там свою судьбоносную звезду?.. А может, просто наслаждался прелестью ослепительной лунной ночи и предвкушал сытную трапезу?..

– Эй, Тимур, о чем задумался? Мечтаешь о будущей славе? – разводивший огонь Раджаб, как всегда, беззлобно поддевал его своим острым язычком. Но сегодня Тимуру не хотелось ссориться. И он миролюбиво ответил:

– Нет. Вспоминаю, как в детстве с нетерпением ждал, когда же наступит время есть мясо, – он весело посмотрел на друзей. – Самое первое, что я помню из своего детства – запах мяса щекочет мне ноздри. А я не могу встать с кошмы. Злюсь и кричу, что есть силы!

Дружный смех только подстегнул Тимура. Он поднялся во весь рост, красуясь, расправил свои плечи, широко расставил ноги и продолжал:

– Теперь я сам без труда могу добыть себе мясо.

Все четверо поддержали его одобрительными возгласами.

– Меня считают грозой окрестных селений. Ну, так что ж? Тем больше тянутся ко мне такие же смельчаки, как я.

И снова дружное одобрение и веселый смех.

– Я – здоровый, сильный. У меня крепкие руки и ноги...

В этот момент звезда скатилась с небосклона, прочертив в ночном небе острый, как лезвие кинжала, след.

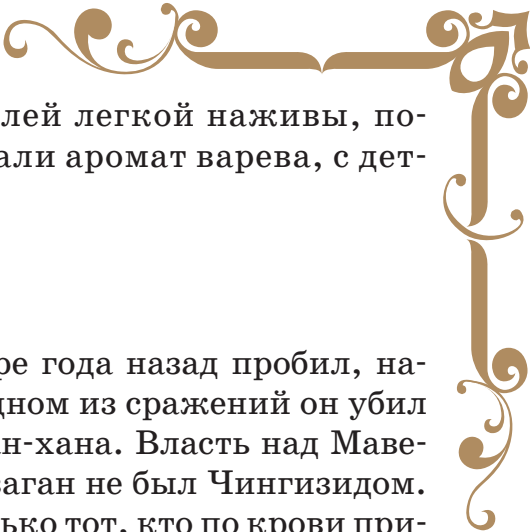
От неожиданности Тимур замолчал.

Раджаб тоже заметил падающую звезду.

– Ты прав, Тимур! Смотри, вот и небо тебя приветствует! Ты – наш предводитель, а мы – твои верные нукеры!

– Ведь мы еще мальчишками поклялись тебе в верности! – подхватил Мидхад.

– Я знаю, вы – мои друзья и всегда будете со мной, – сдержанно ответил Тимур, пытаясь прогнать из сердца непонятно откуда взявшуюся тревогу.

Спустя некоторое время пятеро любителей легкой наживы, забыв обо всем на свете, с жадностью вдыхали аромат варева, с детства знакомого каждому степняку.

* * *

Жизнь в Междуречье изменилась. Четыре года назад пробил, наконец, звездный час Казаган-бека, когда в одном из сражений он убил ненавистного ему и всей кочевой знати Казан-хана. Власть над Мавераннахром перешла в руки Казагана. Но Казаган не был Чингизидом. А по закону, правителем страны мог быть только тот, кто по крови принадлежал к роду Чингис-хана.

Тогда Казаган пошел на хитрость. Он взял себе титул эмира, а правителем объявил подставного хана из Чингисова дома. Сначала это был Данишмендча, позже – Баян Кули-хан. На деле же управлять страной будет он, эмир Казаган. Его власть продлится двенадцать лет.

Теперь, при Казагане, кочевники занимались в основном тем, что грабили и опустошали соседние земли. Новый правитель этому потворствовал. Грабежи, набеги, обогащение – других целей перед своими подданными Казаган не ставил. И потому для молодых барласов, таких, как Тимур, это стало привычным образом жизни.

Со своими нукерами, которых сначала было четверо, Тимур совершал налеты на купеческие караваны, грабил более слабых соседей, таких, как глухой Зубаир, угонял скот с пастбищ. Чужих он не жалел, с друзьями же был щедрым и великодушным. И многие молодые люди, жаждавшие действий, стремились примкнуть к нему.

Иногда он собирал их вместе, разделял на два лагеря и устраивал между ними показательное сражение. Но в нукеры отбирал только самых лучших. Сам проверял каждого на храбрость и выносливость.

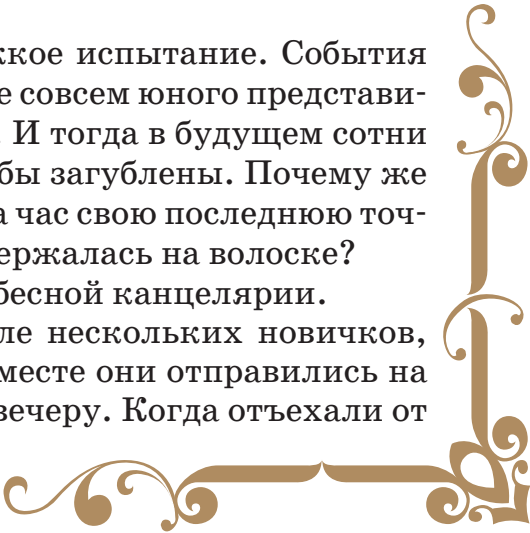
Впереди ему грезилась великие дела и блестящие победы.

* * *

А судьба готовила молодому Тимуру тяжкое испытание. События того дня могли стать последними в жизни еще совсем юного представителя чагатайского рода из племени барласов. И тогда в будущем сотни тысяч других жизней на этой земле не были бы загублены. Почему же судьба не поставила в тот роковой для Тимура час свою последнюю точку? Почему сохранила ему жизнь, когда та держалась на волоске?

Ответ на этот вопрос скрыт в тайниках небесной канцелярии.

В тот день Тимур решил проверить в деле нескольких новичков, изъявивших желание стать его нукерами. Вместе они отправились на поиски очередной добычи. День клонился к вечеру. Когда отъехали от

Ходжа-Ильгара, позади них послышался топот копыт. Их догоняли неразлучные Мидхад, Раджаб, Шагип и Сафа. Тимур хотел дать друзьям отдохнуть после очередного набега. Но они, узнав, что он снова отправился за добычей, тут же вскочили на коней и помчались следом.

Весело переговариваясь, молодые люди неторопливо направлялись в степь, покрытую низкими холмами. Солнце еще не село, а для угона скота ночной мрак был лучшим союзником. Некуда было спешить, пока дневное светило не закатилось за горизонт. А пока что пятерка отчаянных храбрецов и четверо новичков, наслаждаясь вечерней прохладой, сменившей жаркий день, обсуждали план действий.

Они одолели немалое расстояние, прежде чем вдалеке, на склоне холма, увидели пасущееся стадо овец. Стадо было велико, здесь можно было хорошо пожить. Всадники остановились и, перекинувшись несколькими фразами, решили дождаться сумерек. Ждать друзьям пришлось недолго. Солнце уже коснулось горизонта и, теряя свою округлость, стало проваливаться в неведомую бездну. Пора было приступить к делу.

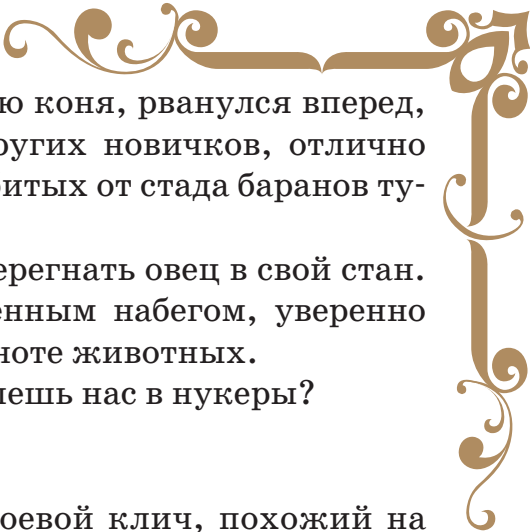
Одного из новичков Тимур послал вперед, чтобы отвлечь внимание пастухов. Остальные должны были обойти холм с противоположной стороны. Четверке своих преданных нукеров он велел отойти на некоторое расстояние и дожидаться их, тем самым дать возможность новичкам проявить себя в деле.

Последние лучи кровавыми отблесками вспыхнули на вершине холма, и степь стала быстро погружаться во мрак. Оставаясь на расстоянии, налетчики слышали, как раскатисто залаяли сторожевые собаки и вскоре умолкли. Значит, пастухи заметили их лазутчика, отогнали псов и теперь расспрашивают его. Напряженная тишина нависла над степью. Но теперь Тимур знал, в какой стороне находятся пастухи, полагая, что их не более двух-трех. Он подал негромкую команду.

Пригнувшись к гривам и подхлестнув коней, его спутники бесшумно налетели на стадо, отбивая и уводя в сторону часть баранов. Но тут снова залаяли собаки. Раздались крики пастухов. Тимур направил коня прямо на их голоса, чтобы дать возможность своему лазутчику благополучно отступить и скрыться.

Он налетел как вихрь, размахивая плеткой и поднимая коня на дыбы. Плетка со свистом опускалась на спины перепуганных пастухов, которых оказалось двое. В сердце Тимура бушевало пламя высшего восторга, которое обжигало его каждый раз, когда удача сопутствовала ему, как прирученная птица опускается на руку хозяина. Он сам тщательно продумал этот план, и, казалось, удача уже была в его руках.

Перекрывая блеяние потревоженных баранов, лай собак и проклятия пастухов, он исторг из груди торжествующий крик, далеко

прокатившийся над степью, и, ударив плетью коня, рванулся вперед, увлекая за собой своего лазутчика. Трое других новичков, отлично справившись со своей задачей, уже гнали отбитых от стада баранов туда, где их ждали нукеры Тимура.

Теперь нужно было как можно быстрее перегнать овец в свой стан. Новички, окрыленные успешно осуществленным набегом, уверенно погоняли натыкавшихся друг на друга в темноте животных.

– Ну что, Тимур, мы себя показали. Возьмешь нас в нукеры?

– Подумаю, когда буду есть барана!

– Скорее бы! Мы тоже охотно отведаем.

Вдруг где-то позади раздался грозный боевой клич, похожий на отдаленный рев раненого зверя. Тимур услышал приближающийся топот копыт. Он оглянулся и с удивлением обнаружил погоню. В неярком свете ночного неба можно было разглядеть целый отряд вооруженных луками и копьями людей.

Откуда Тимуру было знать, что скотоводы из Сеистана, наученные горьким опытом соседей, организовали вооруженную охрану. Такого поворота дел Тимур не ожидал.

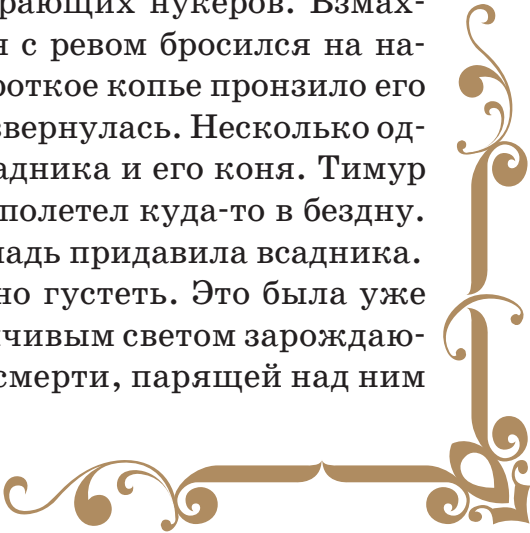
– Ко мне! Сюда! – яростно закричал он, чтобы собрать в единое ядро своих поделщиков.

На помощь уже мчались Мидхад, Раджаб, Шагип и Сафа. Было ясно, что так тщательно продуманное и почти осуществленное дело осложняется и здесь без битвы не обойтись.

Но силы были неравными. Девять молодых налетчиков из вооружения имели при себе только широкие ножи, да в руке у каждого посвистывала плетка. Охранников же было больше дюжины. Осадив коней, они уже приготовили стрелы и луки. Первым упал Сафа. Стрела попала ему в грудь, и он свалился с лошади прямо под копыта коней своих товарищей. Отпрянувшему в ужасе новичку досталась вторая стрела. Она пронзила ему шею. Потом полетел целый град стрел, и трудно уже было уследить, кто за кем падает...

Тимур слышал рядом с собой стоны умирающих нукеров. Взмахнув плеткой и выхватив из-за пояса нож, он с ревом бросился на нападавших. Тут же чье-то метко пущенное короткое копье пронзило его кисть, дробя пальцы. Испуганная лошадь развернулась. Несколько одновременно выпущенных стрел поразили всадника и его коня. Тимур ощутил пронзительную боль в бедре и сразу полетел куда-то в бездну. Но даже стон застрял в его горле: падая, лошадь придавила всадника.

Окружающая темнота стала стремительно густеть. Это была уже не темнота ночи с проблесками звезд и обманчивым светом зарождающейся луны. Это была непроницаемая тьма смерти, парящей над ним в своем черном плаще.

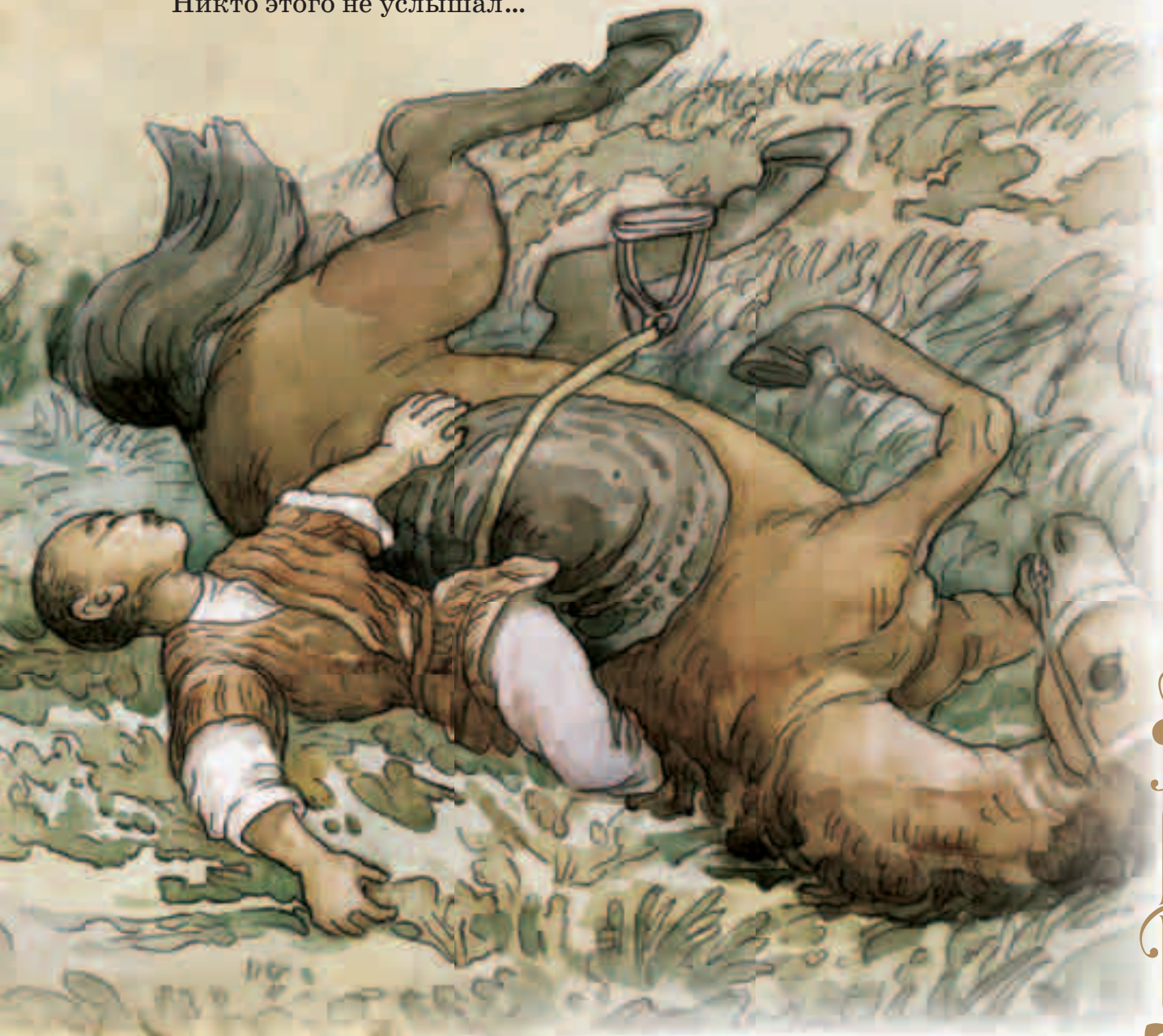

«Нет, нет! Этого не может быть! Я должен подняться и идти навстречу своей великой судьбе. Там впереди меня ждет сияющее солнце побед и славы!.. Там впереди ликует и трепещет мир, приветствуя своего повелителя!..»

Он попробовал сделать движение, но не почувствовал ни рук своих, ни ног. Он даже боли не чувствовал и ощущал только невероятную тяжесть, которая вдавливала его в ставшую почему-то горячей и влажной землю.

«Бабушка... как же это? – прошептали его немеющие губы. – Преродок Кажул?..»

Удивление блеснуло и погасло в его глазах. Никто этого не увидел. Никто этого не услышал...

Глава вторая

Борьба за Мавераннахр

«Без бека ты – бек».

Тюркская пословица

Невысокая, богато украшенная коврами и алыми подушками веранда своими ажурными стенами выходила в прекрасный сад. Угасание дня оттеняла нежная трель соловья, который прятался в причудливой кроне тутового дерева. После дневного зноя сад предавался сладкой неге.

Монгольский хан Токлуг-Тимур, владевший Моголистаном, земли которого раскинулись к северу от Сырдарьи, в полном одиночестве возлежал на мягких подушках. Но ни трели соловья, ни ласкающая прохлада подступающей ночи не коснулись его души в этот час. Хан пребывал в глубоком раздумье. Вот о чем были его мысли...

...Почти два года прошло с тех пор, как в Мавераннахре рукой подосланного убийцы был повержен эмир Казаган. Двенадцать лет он удерживал власть в этой стране. И все это время соседние земли страдали от его разбойных набегов. Крепок был эмир Казаган. А теперь, когда его не стало, Мавераннахр прозябает без властной руки. Мелкие правители грызутся между собой, и пока не нашлось среди них достойного, чтобы усмирить смутьянов и собрать страну в единый кулак.

Мавераннахр нынче как горсть песка, с которым ветер может сделать все, что захочет. И он, Токлуг-Тимур, потомок Чингис-хана, готов стать этим ветром... Через неделю он выступит походом на Мавераннахр, чтобы расширить свои владения...

Хан принял это решение здесь, сейчас, лежа на алых подушках, расшитых золотыми узорами, и сразу почувствовал живительную

чистоту воздуха, напоенного негой вечернего сада. Впервые за этот вечер он улыбнулся красоте окружающего его мира.

Протянув руку в драгоценных перстнях к серебряному блюду с фруктами, хан выбрал персик и с удовольствием надкусил его.

Спустя неделю Токлуг-Тимур с сильным войском выступил в поход. Его воины переправились через Сырдарью у Ходжента и, не встретив сопротивления, заняли почти все пространство между реками Сырдарья и Амударья. Часть правителей добровольно склонили головы перед сильным противником, другие, покинув свои владения, укрылись в Хорасане и Афганистане.

* * *

В одну из безлунных ночей от Кашка-Дарьи в сторону Хорасана ехали два всадника. Старший из них очень спешил. Молодой отставал, он словно пребывал в сомнении – ехать ли дальше? Проскакав некоторое расстояние, всадники остановились и начали переговариваться.

– Чего ты медлишь? – в недоумении спросил старший. – Монгольский ястреб кинулся на лакомый кусочек, и нам лучше укрыться в безопасном месте.

– Дядя, лучше и полезней будет, если вы отправитесь в Хорасан, а я вернусь, чтобы спасти от разрушения принадлежащий вам вилайет*, – ответил молодой. – Если удастся, поступлю на службу к монгольскому хану, может быть, верну владение.

– Но ты рискуешь. В память о почившем отце твоём я должен о тебе позаботиться.

– Раскройте глаза, дядя, я – взрослый мужчина! – резко ответил молодой. – Я и в детстве не очень-то нуждался в опеке со стороны. К тому же судьба доказала, что способна хранить меня в самой жестокой ситуации.

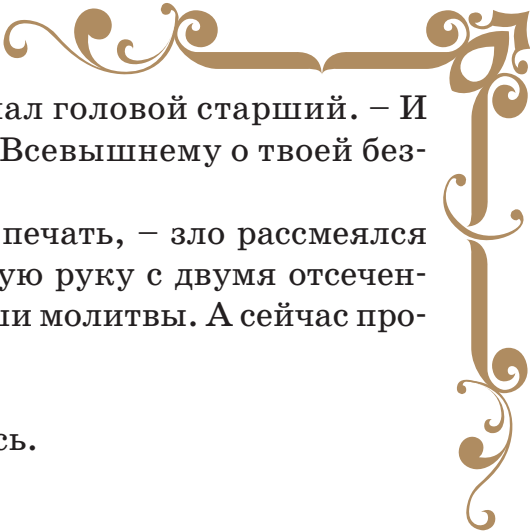
– Но что ты можешь сделать один против этой крепкой армии? Даже собрав всех своих нукеров, ты не подомнешь Токлуг-Тимура.

– А я не один. Эмир Хусейн со своими нукерами заодно со мной.

– Эмир Хусейн? Внук убитого хана Казагана? – удивился старший. – Разве он, его жены и его красавица-сестра не покинули Мавераннахр?

– Нет, дядя, – чуть смешавшись при упоминании о сестре эмира Хусейна, ответил молодой, и лицо его вспыхнуло огнем. К счастью, ночь была действительно безлунной, и в свете звезд собеседник этого не заметил.

*Вилайет – область, владение.

– Будь осторожен, мой мальчик, – покачал головой старший. – И помни, Хаджи-Барлас, твой дядя, молится Всевышнему о твоей безопасности.

– Всевышний уже поставил на мне свою печать, – зло рассмеялся молодой, подняв вверх изуродованную правую руку с двумя отсеченными пальцами. – Но я благодарен вам за ваши молитвы. А сейчас прощайте, дядя!

– Прощай, Тимур!

Нахлестывая коней, всадники разъехались.

* * *

Хан Моголистана Токлуг-Тимур, обласканный льстивыми речами своих приближенных, наслаждался легкой победой. Ничто так не услаждало сердца хана, как сознание своего могущества. Он брал с блюда куски вареного парного мяса, неторопливо ел его и при этом слушал высказывания о присоединении к Моголистану новых земель. Ведь поход его еще не был завершен, и здесь, в Мавераннахре, еще оставались не подвластные ему владения.

В это время к нему ввели нежданного гостя. Это был молодой, но уверенно и даже дерзко державшийся воин, заметно прихрамывающий на правую ногу. Благодушно расположенный по случаю победы, хан милостиво принял его.

После коротких приветствий гость обратился к хану с речью:

– О великий хан Моголистана! Правители мавераннахрских владений не захотели защищать своих подданных. А некоторые из них трусливо скрылись, увидев твое приближающееся войско. Не подобает храброму быть в одной связке с трусливыми. И потому, хан, я хочу встать под твои знамена.

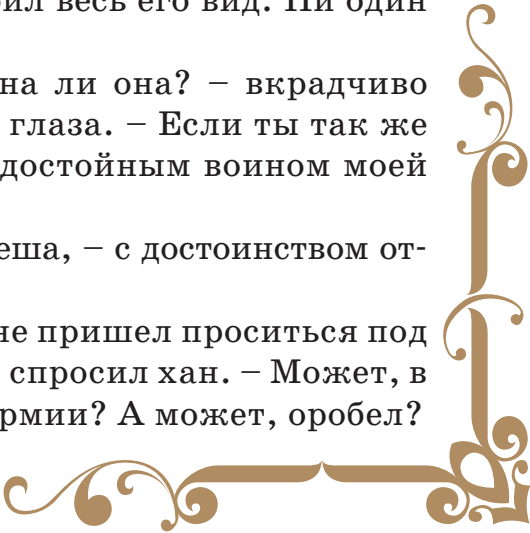
Токлуг-Тимур засмеялся и обвел взглядом своих приближенных.

Гость терпеливо ждал ответа. Что ж, если он позабавил хана, не стоит ставить это ему в вину – словно говорил весь его вид. Ни один мускул не дрогнул на молодом лице.

– Кто ты? Твоя речь смела, но искренна ли она? – вкрадчиво спросил хан и пристально посмотрел ему в глаза. – Если ты так же храбр в бою, как в разговоре, ты станешь достойным воином моей армии.

– Я – Тимур, сын Тарагая Бахадура из Кеша, – с достоинством ответил гость.

– Твой отец – тоже воин? Почему же он не пришел проситься под мои знамена? – почти не скрывая усмешку, спросил хан. – Может, в отличие от тебя, он не оценил мощи моей армии? А может, оробел?

– Мой отец был храбрым воином и благочестивым мусульманином, – ответил гость, сделав вид, что не замечает проскользнувшей в вопросе хана усмешки. – Сегодня миновал второй лунный месяц с тех пор, как Всевышний призвал его к себе.

Наступила пауза. Токлуг-Тимур оценил выдержку гостя, а в душе даже проникся глубоким расположением к нему. Но внешне этого никак не проявил.

– Что ж, сыну подобает стать продолжением достоинств своего отца. Я дам тебе возможность занять не самое последнее место под моим крылом, – сказав это, хан сделал легкий жест рукой.

Гость поклонился и вышел.

Монгольский хан сдержал свое слово. Он не только принял этого дерзкого и немногословного молодого человека под свои знамена, но еще и пожаловал ему во владение небольшой, но богатый Кашкадарьинский вилайет, прежний правитель которого Хаджи-Барлас, как стало известно хану, скрылся в Хорасане, опасаясь за свою жизнь. А этот доблестный молодой воин мог быть полезен Токлуг-Тимуру на пути к его дальнейшему возвышению. Потому-то хан так щедро одарил его.

Не ведомо было тщеславному хану Токлуг-Тимуру, что сам он станет первой ступенью на пути возвышения этого сдержанного, но исполненного внутренней силы кешского барласа. Что цель молодого воина – помешать монгольскому ястребу поглотить его страну, на трон которой он сам мечтал взойти. Для этого он и остался здесь.

Теперь Тимур стал правителем городов Кеш и Несеф, входивших в состав вилайета, который принадлежал прежде его дяде Хаджи-Барласу. Его дерзкий план начал осуществляться.

Уже на следующий день Тимур приступил к службе у Токлуг-Тимура. Он был поставлен во главе целого тумена*, а это значит, что десять тысяч воинов были теперь под его командованием.

Тимур даже был тронут той честью, которую оказал ему хан Токлуг-Тимур. Теперь он мог сполна проявить свои врожденные качества вожака. И он не покидал седла, тренируя воинов своего тумена. А потом по первому сигналу бросался с ними туда, где нужно было показать на деле мощь армии монгольского хана. Очень скоро хан проникся полным доверием к Тимуру и часто советовался с ним, прежде чем принять решение.

Как-то Токлуг-Тимур получил известие о волнениях в своем собственном стане и тоже обратился за советом к Тимуру.

– Я думаю, что хану следует вернуться в Моголистан, чтобы не дать разрастись смуте, – сказал Тимур. – А Мавераннахр никуда от хана не денется.

*Тумен – корпус в десять тысяч воинов.

Хану понравился такой ответ, и он вместе с войском возвратился в Моголистан. В Мавераннахре же на время правителем утвердил Тимура, выдав ему соответствующую грамоту.

* * *

Прошел год, прежде чем Токлуг-Тимур возвратился в Мавераннахр, подавив волнения в своей стране. Представ перед ханом, Тимур увидел рядом с ним красивого молодого человека, имевшего очень надменный вид.

– Чтобы завершить неоконченные мною дела в Мавераннахре, я взял с собой сына, – сказал хан и с гордостью посмотрел на своего отпрыска. Обращаясь к Тимуру, он добавил:

– Это Ильяс Ходжа. Ты передашь ему бразды правления, а потом мы вместе завершим присоединение оставшихся без нашего присмотра мавераннахрских земель.

Тимур молча поклонился.

– Правда, Ильяс Ходжа не очень силен в военных делах, а также в делах управления государством, – не скрывая сожаления, сообщил Токлуг-Тимур, поигрывая пальцами в золотых перстнях, – но у меня есть ты, и я назначаю тебя главным советником правителя и главнокомандующим его армии.

Тимур поклонился.

– Надеюсь, ты будешь так же преданно, как мне, служить моему сыну, – хан посмотрел на Тимура взглядом, не терпящим возражения. – А он сумеет по достоинству оценить твои услуги.

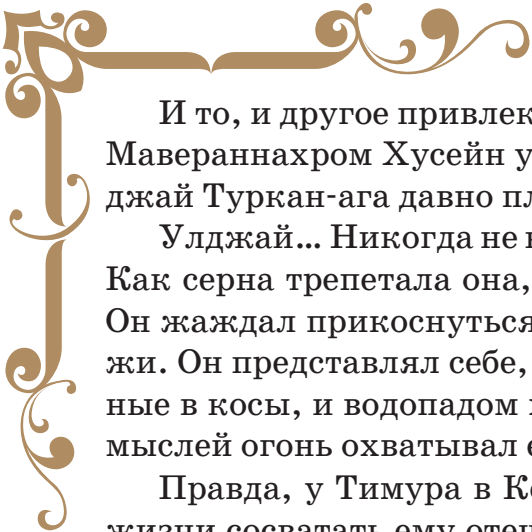
И хан снова перевел полный обожания взгляд на свое любимое чадо.

Дни торжества для Тимура закончились. Звезда удачи, так ярко блеснувшая в его судьбе, стала тускнеть. Деспотичным и капризным оказался новый правитель Мавераннахра Ильяс Ходжа. Не было в нем ни прямоты душевной, которую ценил в людях Тимур, ни опыта в ведении государственных дел, за который можно было бы его уважать. Ни умом, ни доблестью не отличался сын могольского хана. И сердце Тимура противилось служению новому «хозяину».

Все больше времени Тимур стал проводить с эмиром Хусейном, у которого так же, как и у самого Тимура, была тайная цель оттеснить могольского ястреба и утвердиться правителем в Мавераннахре, где когда-то правил его дед. Так что у Хусейна были свои веские причины бороться с ханом Токлуг-Тимуром.

А еще у Хусейна была красавица-сестра Улджай Туркан-ага.

И то, и другое привлекало внимание Тимура. В борьбе за власть над Мавераннахром Хусейн устраивал его как союзник. А прекрасная Улджай Туркан-ага давно пленила его сердце своею красотой...

Улджай... Никогда не видел Тимур таких глубоких и влажных глаз. Как серна трепетала она, лишь на миг встретившись с ним взглядом. Он жаждал прикоснуться к ней и ощутить бархатную нежность ее кожи. Он представлял себе, как распадутся ее шелковые волосы, собранные в косы, и водопадом хлынут на мраморную белизну плеч. От этих мыслей огонь охватывал его тело.

Правда, у Тимура в Кеше уже было две жены, которых успел при жизни сосватать ему отец. И он даже имел двух малолетних сыновей. Но Улджай затмила для него всех красавиц Междуречья, и Тимур решил, что она непременно станет его третьей женой.

Как-то на охоте, когда их кони бесшумно двигались бок о бок, Тимур сообщил Хусейну о своем желании жениться на его сестре. Хусейна эта весть порадовала.

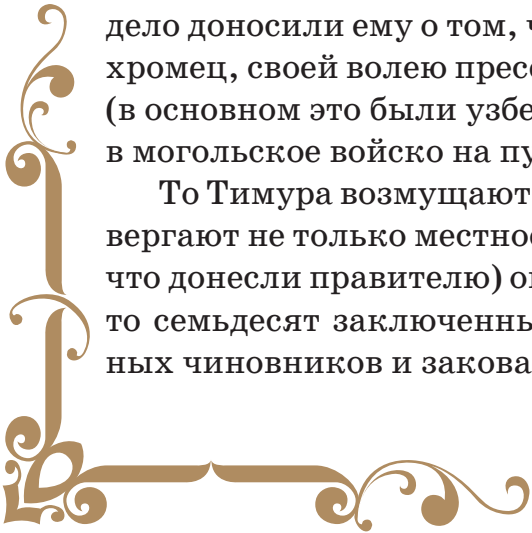
– Мы породнимся, и наш союз станет крепче, – сказал эмир Хусейн, давая согласие на брак Тимура с его сестрой. – Мы оба нужны друг другу, и если станем родственниками, наши интересы сблизятся.

Сама же Улджай чувствовала себя раненой птицей с тех пор, как впервые увидела Тимура. Лишь смущение позволило ей скрыть свое счастье, когда она узнала о предстоящей свадьбе.

Пир в честь этой свадьбы длился три дня. Нежная, как весенний цветок, Улджай Туркан-ага стала хоть и третьей, но любимой женой Тимура. Преданная любовь к супругу не остывала в ней до последних ее дней.

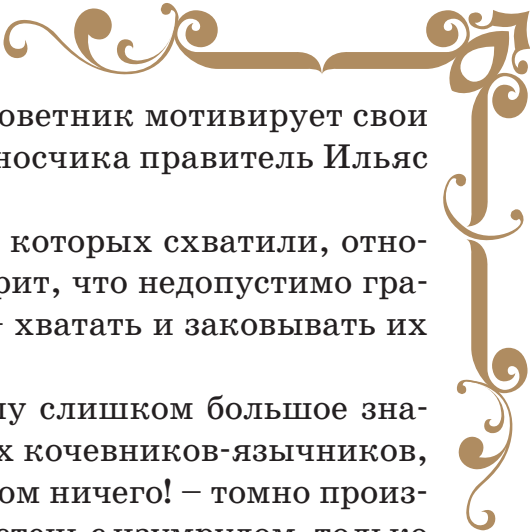
Да слишком рано скатилась ее звездочка за горизонт жизни...

* * *

Службою своего военачальника Ильяс Ходжа был недоволен. То и дело доносили ему о том, что своенравный Тимур, этот неуправляемый хромец, своей волею пресекает действия людей, преданных правителю (в основном это были узбеки, выходцы из кочевых племен, влившиеся в могольское войско на пути к Мавераннахру).

То Тимура возмущают грабежи и притеснения, которым воины подвергают не только местное население, но и духовенство. То (как только что донесли правителю) он почти силой освобождает из тюрьмы каких-то семьдесят заключенных, схваченных по усмотрению других военных чиновников и закованных в цепи.

– И чем же на этот раз мой строптивый советник мотивирует свои действия? – капризным голосом спросил доносчика правитель Ильяс Ходжа.

– Только тем, мой повелитель, что люди, которых схватили, относятся к потомкам пророка Мухаммеда! Говорит, что недопустимо грабить потомков священного рода. Тем более – хватать и заковывать их в цепи.

– Потомки Мухаммеда? Он придает этому слишком большое значение! А что они значат, эти потомки, для тех кочевников-язычников, каких немало в нашем войске?! Ровным счетом ничего! – томно произнес правитель, с интересом рассматривая перстень с изумрудом, только что присланный ему в подарок правителем Ховарезма Текель-Багадуром. – Но эти язычники воюют на нашей стороне. А от хромого Тимура больше хлопот, чем пользы! Как жаль, что отец именно его назначил моим советником, да еще и главнокомандующим. Отец явно просчитался, а страдать приходится мне.

Самому Ильясу Ходже было все равно, что за племена составляют его армию. Лишь бы обеспечивали власть и сдерживали смуту среди покоренных народов. Ведь это давало ему возможность беспрепятственно собирать налоги. А все остальное – лишнее беспокойство для его изнеженной натуры.

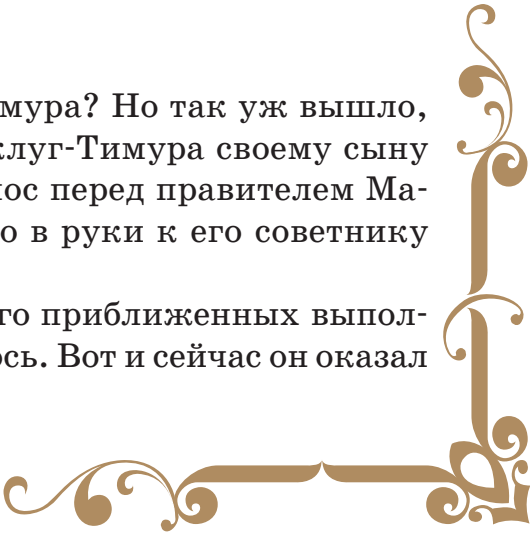
И уж совсем рассердился Ильяс Ходжа, когда получил секретный донос и даже не донос, а просто намек на то, что Тимур сам втайне мечтает взойти на трон правителя Мавераннахра.

– Какая дерзость! – оскорбившись, вскричал Ильяс Ходжа. – Нет, с этим наглецом надо что-то делать...

Наследник могольского хана обмакнул перо в чернильницу и, морща от негодования лоб, начал излагать в письме непокорство и своеволие столь неприятного для него подданного. Утром письмо с посыльным было отправлено в Моголистан к отцу Ильяса Ходжи – хану Токлуг-Тимуру.

Может быть, небо и вправду хранило Тимура? Но так уж вышло, что ответное письмо монгольского хана Токлуг-Тимура своему сыну прежде чем опуститься на серебряный поднос перед правителем Мавераннахра Ильясом Ходжой, попало прямо в руки к его советнику Тимуру.

Тимур не силен был в грамоте. Один из его приближенных выполнял при нем роль писаря, когда это требовалось. Вот и сейчас он оказал

неоценимую услугу своему хозяину, прочтя ему тайное письмо Токлуг-Тимура.

В письме хан наставлял сына в делах управления государством, а в конце приписал:

«Мой дорогой сын! Если этот невежа, забывший, кто взял его под свое крыло, доставляет тебе нежелательные хлопоты, расстанься с ним. А как это сделать, ты знаешь сам...»

Поняв зловещий смысл последней фразы, Тимур задумался. Он остался в Мавераннахре, поступил на службу к могольскому хану, чтобы утвердиться здесь, в своей стране, захваченной моголами, но мало что успел сделать. А от него уже спешат избавиться. Это ломало все его планы. Но как теперь быть? Какое принять решение?

Одолеваемый тяжелыми мыслями, Тимур начал усердно молиться, а потом, утомившись, задремал тревожным неглубоким сном.

И увидел он во сне старца с длинною седой бородой, который, мимо проходя по дороге, тихо, но внятно сказал: «Всегда следует отступать перед превосходящими силами и удаляться от врага, которого не можешь одолеть... так поступали пророки...»

Пораженный видением, Тимур тут же вскочил и позвал одного из своих нукеров.

– Махмуд! – крикнул он, поверив в поддержку высших сил и снова обретая уверенность. – Собери всех моих нукеров. И пусть явятся в полном походном снаряжении. И пошли вестника в Балх к эмиру Хусейну. Пусть возьмет своих людей и соединится со мной по дороге на Бадахшан. Там мы с ним все и обсудим.

Лишь по воле счастливого случая Тимур разгадал задуманное против него коварство и решил покинуть ставшего опасным для него Ильяса Ходжу.

Под покровом ночи 60 всадников во главе с Тимуром двинулись в сторону реки Амударья. Нет, Тимур не отступал трусливо перед опасностью. Он понимал, что час для решительного боя с моголами еще не пробил. Вместе с Тимуром ехала и его молодая жена Улджай Туркан-ага, закутанная с ног до головы в покрывало.

Когда отряд переправился через Амударью, Улджай робко спросила мужа:

– Куда мы едем?

– Укроемся в бадахшанских горах. Соберем побольше преданных людей. Сейчас нас слишком мало даже для того, чтобы защитить самих себя.

Улджай хотела спросить, где ее муж собирается взять преданных людей и что они потом будут делать, но она промолчала, чтобы не рассердить и без того хмурого Тимура.

Тимур же рассчитывал протянуть время, скрываясь где-нибудь в горах до подходящего момента. Он хотел дожидаться часа, когда жители Мавераннахра, доведенные до крайности притеснениями могольского правителя, будут готовы восстать против Ильяса Ходжи. И тогда к нему, Тимуру, присоединятся те, кто сейчас боится даже голову поднять. А ему так нужны были люди, готовые драться с монгольским ястребом до победного конца!

* * *

Почти всю ночь отряд Тимура в полной тишине двигался в сторону гор Бадахшана. Мысли Тимура были тревожны. Он еще не решил, как будет действовать дальше, и ему хотелось поскорее встретиться с Хусейном, чтобы поделиться с ним своими тревогами и надеждами.

Чуть в стороне показалась гряда холмов. Тимур вспомнил, что где-то здесь, в горах, стоит ветхая юрта отшельника Эмир-Халала, о котором он много слышал. В голове мелькнула мысль: свернуть с дороги, чтобы спросить совета у мудреца.

Чтобы не напугать старика, Тимур приказал отряду ждать его возвращения, а сам в сопровождении нукера Махмуда и верной Улджай двинулся в глубь гряды.

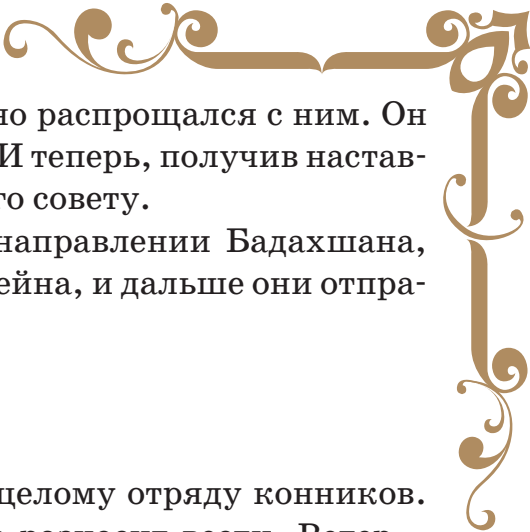
Они двигались, не нарушая тишины. Ни травинки не хрустнуло под копытами коней, разделявших тревожное состояние всадников. Искать пришлось недолго. Вскоре на фоне ночного неба обозначился силуэт одинокой юрты. К удивлению Тимура, отшельник, опираясь на белый посох, стоял у входа в юрту, как будто ждал их появления.

– Здравствуйте, почтенный Эмир-Халал! Да сохранит Всевышний вас и ваше жилище в неприкосновенности! – сойдя с коня, учтиво обратился к белобородому старцу Тимур.

– Здравствуй, путник! Что привело тебя к моему порогу?

– Почтенный Эмир-Халал! Мне и моим людям надо укрыться в надежном месте. Злобные псы Ильяса Ходжи – нового правителя Мавераннахра – вот-вот двинутся по нашим следам. И мы хотим скрыться в горах Бадахшана. Хочу спросить вашего совета...

– Что ж, если спрашиваешь, я отвечу. В горы Бадахшана не ходи. Горы могут стать для тебя западней. Отправляйся в степи Ховарезма. Там тебе и твоим людям будет безопаснее. В степи затеряетесь – кто вас отыщет!

Тимур поблагодарил отшельника и спешно распрощался с ним. Он и сам опасался коварства бадахшанских гор. И теперь, получив наставления от Эмир-Халала, решил последовать его совету.

Проскакав еще некоторое расстояние в направлении Бадахшана, Тимур соединился с небольшим отрядом Хусейна, и дальше они отправились вместе.

* * *

Широка степь, и легко в ней затеряться целому отряду конников. Но недаром говорят, что в степи даже ветер разносит вести. Ветер – не ветер, да только чей-то зоркий глаз, видно, заметил движущийся в отдалении отряд верховых и донес до ховарезмского правителя Текель-Багадур известие о том, что в глубь степи движется конный отряд. Правитель Ховарезма быстро смекнул, кто это может быть. Побег опального военачальника для правителя Мавераннахра Ильяса Ходжи не был тайной.

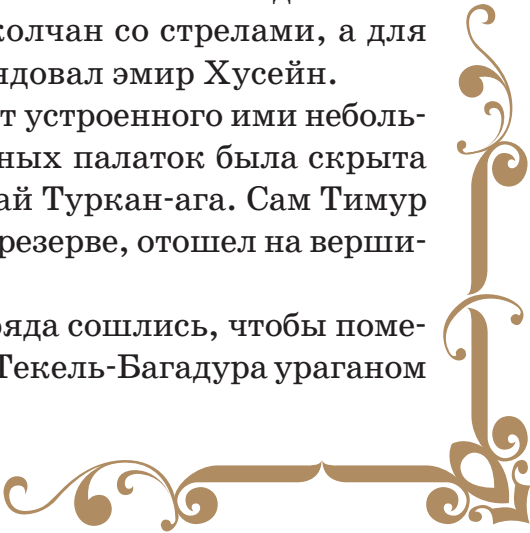
Не мешкая, Текель-Багадур разослал по степи своих лазутчиков, чтобы узнать точное месторасположение отряда Тимура. Сам же поспешил отправить к Ильясу Ходже гонца с секретным сообщением о том, что сбежавший с отрядом всадников военачальник высочайшего правителя обнаружен и держится под наблюдением. Гонец вернулся с письменным приказом: истребить Тимура и его людей.

Текель-Багадур рад был угодить сыну могольского хана. Он собрал отряд в тысячу конников и повел его в степь, туда, где Тимур пережил лихое для себя время.

Как туча по степи двигалась конница Текель-Багадура. Топот копыт тысячи коней мог привести в трепет любое сердце, но Тимур был спокоен. Увидев скачущих широким фронтом всадников, Тимур привел свой маленький отряд в боевую готовность: разделил его на пять частей, каждую из которых возглавлял лучший воин. У каждого конника для ведения дальнего боя были лук и колчан со стрелами, а для ближнего боя – праща. Одной из групп командовал эмир Хусейн.

Тимур выдвинул отряд вперед, подальше от устроенного ими небольшого лагеря. Там, в лагере, в одной из походных палаток была скрыта от посторонних глаз его любимая жена Улджай Туркан-ага. Сам Тимур с избранными воинами, которых он оставил в резерве, отошел на вершину ближайшего холма.

Время близилось к полудню, когда два отряда сошлись, чтобы помериться неравными силами. Тысяча конников Текель-Багадура ураганом

налетела на ожидавший атаки отряд из нескольких десятков воинов Тимура и Хусейна.

К изумлению атакующих, их нападение было отбито. Тимур так искусно расставил своих воинов, что каждый из них защищал тыл другого. Каждый воин Тимура отбивал атаку десятка воинов Текель-Багадур. И каждый из них сражался подобно дикому зверю. Поле битвы покрылось трупами людей и лошадей. Текель-Багадур, не ожидая такого яростного сопротивления, спешно отступил, чтобы подсчитать потери. Оказалось, что из тысячи воинов его отряда осталось только триста боеспособных. Остальные были убиты или ранены. Это было катастрофой по сравнению с потерями Тимура. Сам Тимур с резервным отрядом еще не вступал в бой.

Наступило время намаза. Обескураженные неудачей воины Текель-Багадур с усердием начали молиться, прося для себя поддержки Всевышнего. На другой стороне поля боя молились воины Тимура. Потеряв часть бойцов, они особенно нуждались в покровительстве небес.

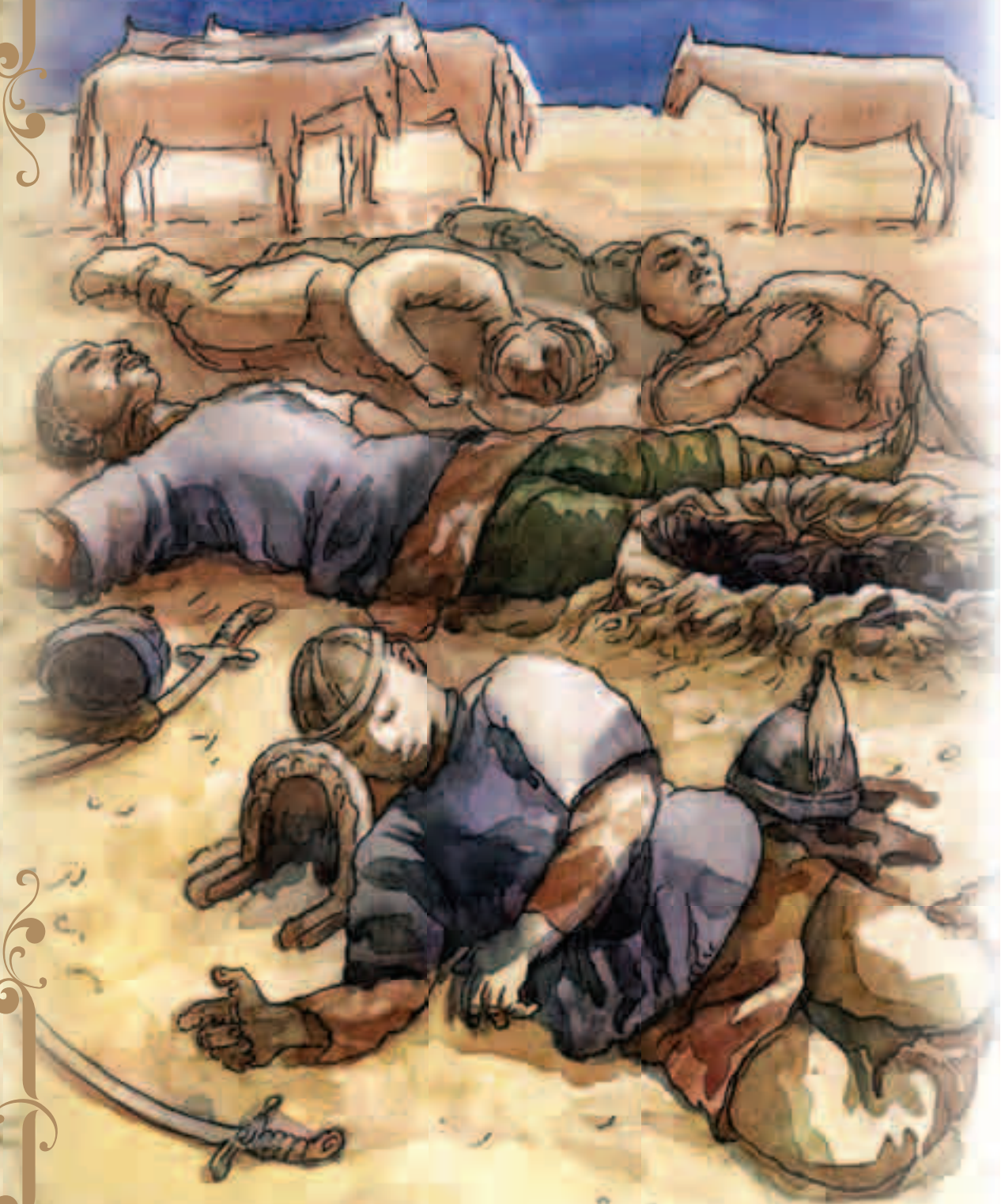
Не дожидаясь завершения намаза, поредевший, но все же превосходящий противника по численности отряд Текель-Багадур вновь атаковал непокорных. Тимур ждал этой минуты, чтобы ввести в бой резервный отряд.

Казалось, что даже солнце остановилось на небесах, захваченное видом этого необычного сражения. Тимур терял одного за другим своих лучших нукеров. Когда он увидел, как несколько всадников окружили кольцом эмира Хусейна, он, не раздумывая, бросился туда, где отчаянно отбивался от нападавших его друг. Оглушительный воинственный клич пронесся над степью. Охваченный яростью, Тимур врезался в кольцо нападавших, ударами сабли разя их наповал. Нападавшие отступили. Хусейн бросил на Тимура благодарный взгляд, понимая, что тот спас ему жизнь. Они продолжали сражаться рядом, как два разъяренных льва, удесятерив своим примером силы своих воинов, бесстрашием подавляя дух противников.

С отчаянием Текель-Багадур взирал на поле сражения, где рок так жестоко с ним обошелся. От его тысячного отряда уцелело полсотни человек, но и те были духовно сломлены. Текель-Багадур отступил, чтобы собрать оставшихся в живых.

У Тимура и Хусейна к концу боя осталось десять человек и семь лошадей.

Поняв по наступившей тишине, что бой утих, робко выглянула из своего укрытия Улджай Туркан-ага. Не было слышно ни голосов, ни конского ржания. В нетерпении она поднялась на холм и застыла, увидев степь, покрытую трупами. Улджай искала глазами Тимура.

– Он здесь! Он жив! – прошептала она, угадав знакомую осанку в одном из приближавшихся всадников. И Улджай, задыхаясь от счастья и благодаря Всевышнего, побежала назад, в свое укрытие.

* * *

Взяв кое-что из вещей и собрав остатки провизии, Тимур и Хусейн спешно покинули временный лагерь. Теперь по их следам легко могла пуститься погоня, подкрепленная свежими силами.

Но погони не последовало. Измученные, они брели по туркестанским степям, уповая на скорые счастливые перемены в судьбе. Тимур вез Улджай на крупе своего коня. Им не везло в охоте. В одном из затерянных в степи туркменских поселков маленькому отряду удалось раздобыть двух баранов, чтобы поддержать свои силы. В другом месте они встретили трех путников, сбившихся с пути и пожелавших остаться вместе с ними. У них был небольшой запас еды, и Тимур позволил им присоединиться к отряду.

На следующий день, когда солнце клонилось к закату, изнывающие от жары люди Тимура наткнулись на колодец. Утолив жажду, они повалились прямо на землю и уснули. Едва рассвело, поднялись, чтобы идти дальше. Но еще ночью трое попутчиков, присоединившихся к ним по дороге, исчезли, прихватив с собой трех лошадей. Это было большим ударом. Теперь у них осталось всего четыре лошади.

Тимур не мог больше глядеть на измученное лицо Улджай. Глаза ее были грустны. Губы потрескались. А одежда стала похожа на лохмотья. Впереди была неизвестность. Не было еды, не хватало воды. И он принял решение.

– Улджай, ты поедешь в Самарканд. Там живет моя сестра: она откроет тебя. А мне там пока появляться нельзя.

Испуганная Улджай даже рта раскрыть не посмела и лишь смотрела на мужа умоляющим взглядом. Но Тимур был непреклонен. Он назначил ей в сопровождение преданных своих нукеров и отдал четырех оставшихся лошадей. Одна лошадь должна была везти двух всадников, но выбора не было. Путь предстоял не близкий. И все же Тимуру это казалось безопаснее, чем везти ее за собой без пищи и воды.

Улджай молча плакала, боясь, что больше никогда не увидит своего мужа. Ее прекрасное лицо потускнело и осунулось, и только глаза не потеряли своего прежнего блеска.

– Не надо плакать! Скоро все переменится, и мы снова будем вместе, – утешал жену Тимур. Слова его звучали так уверенно, как будто они расставались всего на несколько дней.

Улджай вытерла слезы и попыталась улыбнуться.

Тимур не кривил душой. Он и сам верил, что перемены к лучшему в их жизни вот-вот наступят.

Проводив взглядом удалявшуюся под защитой нукеров Улджай, Тимур, Хусейн и четверо оставшихся воинов двинулись дальше.

Когда они вышли к небольшому туркменскому селению, все шестеро выглядели как оборванцы, но это их не смущало.

– Благодарение Всевышнему, мы найдем здесь еду и питье, – обрадовался Хусейн. – Но что это за вооруженные люди? Может, лучше нам не приближаться?

– Это туркмены, – ответил Тимур. – Они не причинят нам вреда. Мы скажем, что укрываемся от людей Ильяса Ходжи.

И они смело пошли навстречу уже заметившим их всадникам. Однако подъехавшие конные вели себя совсем не дружелюбно. Они отобрали у людей Тимура оружие и отвели их в большой огороженный глиняным забором двор. Здесь их заперли в сарай. Через некоторое время им принесли еду и питье, но из сарая не выпустили.

– Вечером приедет наш хозяин и решит, что с вами делать, – сказал человек, принесший еду.

– А где мы находимся и кто ваш хозяин? – спросил Тимур.

– Это селение Махан. А хозяин наш – почтенный Али-бек.

– Кто он, этот Али-бек? – переспросил Тимур.

– Али-бек Тшун-Гарбани – местный управитель. Очень богатый и почтенный туркмен, – ответил человек и почему-то засмеялся.

Тимур, не ожидавший от туркменов нападения, был застигнут врасплох.

Наступил вечер. Заносчивый, скорый на решения Али-бек Тшун-Гарбани не стал выяснять, кто они и куда направляются, просто приказал бросить бродяг в глубокую яму, в которой копошились полчища насекомых. Это была пытка, к которой часто прибегали в средневековой Азии, наказывая преступников.

Для Тимура с Хусейном потянулись долгие дни и ночи ожидания.

Их лица осунулись, а щеки покрылись жесткой щетиной. Кожа покраснела и воспалилась от сотен ядовитых укусов. Но даже здесь дух Тимура не был до конца сломлен. В мучительно тянувшееся время он пытался размышлять о боге. Каждый день многократно повторял один и тот же молитвенный стих, обращенный к Создателю:

Ты, кто по своему желанию волен темную ночь обратить в день...

Ты, кто волен превратить всю землю в благоухающий цветник,

Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне, и сделай его легким,

Ты, кто делает легким все затруднительное...

Но дни и ночи сменяли друг друга, похожие, как близнецы. И надежда на скорое избавление становилась все призрачнее. Сколько дней они здесь провели? Сколько еще мучений примут в этой зловонной темнице?.. Казалось, никому в целом свете сейчас не было до них дела.

Но Тимур продолжал монотонно повторять слова молитвы, удивляя Хусейна своим упорством.

Ты, кто по своему желанию волен темную ночь обратить в день...

Хусейн не знал, что однажды эта молитва уже спасла Тимура от неминуемой смерти.

* * *

...Это было в ту роковую для него ночь вблизи Сеистана, после неудачной попытки угона овец.

Он лежал в беспамятстве, придавленный крупом своей лошади, и охранники решили, что он мертв. Вокруг него в ночной степи лежали бездыханные тела его товарищей – молодых и еще недавно полных сил. Тех, кто стонал, разъяренные скотоводы добились копьями. Слишком велик был их гнев к похитителям.

– Поделом им!

– Пускай собаки сожрут их внутренности!

– Пусть никто не думает, что можно безнаказанно красть наш скот!

Потоптавшись с проклятиями вокруг поверженных грабителей, сеистанцы ускакали в сторону своего поселения, прихватив с собой двух лошадей своих противников.

Тимур пролежал в беспамятстве несколько часов. Когда очнулся, преодолевая боль и прилагая почти нечеловеческие усилия, освободился из-под крупа мертвой лошади. Идти он не мог. А когда пытался ползти, от боли терял сознание. Нестерпимо хотелось пить. Но еще больше ему хотелось выжить.

Теряя сознание, он лежал, беспомощный, под палящими лучами солнца, но каждый раз какая-то неведомая сила приводила его в себя и заставляла ползти дальше, действуя локтями и одной ногой. Раненая правая нога волочилась по земле, причиняя жестокую боль.

Ему казалось, что он ползет уже целую вечность. Обессиленный, Тимур прижался щекой к земле и попытался вспомнить слова молитвы, которую произносил обычно его отец, обращаясь к Создателю:

Ты... кто по своему желанию волен... темную ночь обратить в день...

Да, кажется так, именно так молился его отец...

*Ты... кто волен превратить всю землю... в благоухающий цветник...
Помоги мне...*

Дальше он не мог вспомнить ничего, но эти слова казались ему достаточными, чтобы Всевышний обратил на него внимание и пришел на помощь. Больше надеяться было не на кого.

Он продолжал ползти и повторять запекшимися губами молитву, когда увидел впереди одинокую юрту, возле которой стоял старик и, заслонившись ладонью от солнца, всматривался куда-то вдаль. Нет, он определенно смотрел в сторону Тимура. Скорее крикнуть, позвать его на помощь! Но из горла исходил лишь слабый хрип. Помахать рукой, подать знак! Преодолевая боль, Тимур с трудом поднял вверх окровавленную руку. Старик встрепнулся и, опираясь на палку, торопливо заковылял в его сторону.

Это было ниспосланное Всевышним спасение...

Отталкиваясь локтями от земли, Тимур рванулся навстречу... и потерял сознание.

Он не знал, сколько времени провел в беспамятстве. Когда открыл глаза, увидел высоко над собой шанырак с лоскутами синего неба и понял, что он жив. Старик тут же склонился над ним и поднес к его губам питье.

– Пей, сынок. Это отвар степных трав. Будет немножко горько, но ты не противься, пей. Эти травы спасли тебя. Будешь жить, сынок. Ты живучий.

Здесь, в юрте выходявшего его старика, Тимур провел не одну неделю. Его покалеченное тело исцелялось медленно. Но дух его быстро оправился от пережитого потрясения. Он редко разговаривал со стариком и только усмехался, когда тот жалел его и ласково уговаривал:

– Сынок, оставайся у меня. Люди жестоки. Куда ты, калека, пойдешь? Кому будешь нужен?

«Когда я буду великим, я буду нужен всем», – подумал Тимур, а вслух произнес:

– Я отблагодарю тебя за все. Потом.

Однажды на рассвете, когда старик еще спал, Тимур, преодолевая боль, встал, взял палку и ушел.

* * *

...Сейчас, находясь в этом бессмысленном плену, Тимур тоже верил, что его молитва будет услышана Всевышним, и тот откроет дверь темницы. Но прошло долгих шестьдесят два дня, прежде чем наступило избавление от страданий.

Однажды на закате дня в Махан прибыла группа всадников. Они проскакали к дому Али-бека Тшун-Гарбани и постучали в ворота, выкрикивая:

– Письмо для хозяина этого дома! Письмо для почтенного Али-бека!

Как только ворота распахнулись, всадники ворвались во двор. Натянув луки и направив стрелы в сторону отдыхавших в тени густой чинары Али-бека и нескольких его приближенных, всадники потребовали немедленного освобождения пленников. Али-бек и представить себе не мог, что кто-то может вступить за оборванных бродяг, которых он вот уже восемь недель держит в плену просто так, чтобы не пустовала его темница. Решительность ворвавшихся к нему всадников пугала, и Али-бек послал своих людей за Тимуром, Хусейном и за их нукерами.

Неожиданно для всех во дворе появился еще один всадник.

– Письмо для хозяина этого дома, благочестивого Али-бека! – почтительно произнес он, развязывая свою дорожную сумку.

Это оказался настоящий посыльный.

Али-бек с опаской развернул письмо и прочел:

«Дорогой брат Али! Как мне стало известно, в наших степях скрывается от преследования опальный главнокомандующий правителя Мавераннахра Ильяса Ходжи – Тимур. Если Всевышний приведет его к твоему порогу, прими его с подобающим уважением и почетом. Его деяния тебе известны, как и каждому туркмену в Мавераннахре. Тимур всегда был нашим другом, и мы, туркмены, должны отблагодарить его. Твой брат Мухаммед-бек».

Во двор ввели пленников.

С трудом открывая глаза на опухшем от укусов ядовитых насекомых лице, Тимур отыскал взглядом здешнего хозяина, восседавшего на богатом ковре, и сказал:

– Эй, Али-бек! Ты, видно, совесть свою совсем потерял. Или ты никогда не слышал о Тимуре? Сколько раз я приходил на помощь твоим братьям-туркменам? Сколько раз вступался за них, спасая от притеснений и разнузданных выходок воинов Ильяса Ходжи? Так-то ты платишь мне за добро?!

Побледневший Али-бек, сжимая в дрожащей руке письмо и косясь на направленные в его сторону стрелы, в смущении начал бормотать

оправдания, утверждая, что произошла ужасная ошибка и что он готов загладить свою вину.

Освобожденным вывели из конюшни лошадей, накормили и сменили одежду. После этого вся команда умчалась далеко в степь, и только пыль из-под копыт еще долго оседала в застывшем от зноя воздухе.

Отъехав на значительное расстояние, Тимур остановился, чтобы поблагодарить своих избавителей. Это были отчаянные смельчаки, которые давно знали Тимура и почли бы за честь сопровождать его в любом походе. Их прихватили на обратном пути те четверо нукеров, что отвозили Улджай в Самарканд. Тщетно разыскивая в степи своего жоака, нукеры узнали у местного населения, что Тимур томится в плену у Али-бека. Тут уж сама судьба подарила им шанс оказать ему неоценимую услугу, вызволив из темницы.

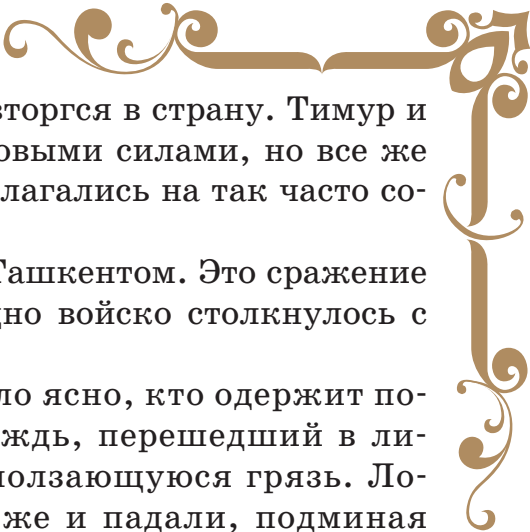
После тягостного плена Тимур нужно было отдохнуть, собраться с мыслями и вернуть себе прежнюю боевую форму. Распрощавшись на время с Хусейном, который тоже был истощен и ослаблен, он тайком отправился в Самарканд к своей старшей сестре Кулсум. Там, вплетая в печаль свои надежды, ждала его несравненная Улджай Туркан-ага, его любовь, его жена.

* * *

Правитель Ильяс Ходжа был слишком слаб характером, чтобы поддерживать дисциплину среди своих воинов. В Мавераннахре монголы и примкнувшие к ним в этом походе узбеки похищали местных девушек, хватали и заковывали в цепи тех, кто пытался оказать им сопротивление, забирали имущество и скот у мирных жителей. Люди роптали. Как и ожидал Тимур, многие теперь были готовы выступить против нерадивого правителя.

Зато Хромой Тимур хоть и находился в опале, в народе становился все более популярным. Когда же от одного города к другому расползлись слухи о победе, одержанной им и его маленьким отрядом в битве с Текель-Багадуром, выставившим в этом сражении тысячу воинов, Тимур стал настоящим героем.

Тимур, наконец, дождался своего часа. В его отряд стали проситься те, кто не хотел больше терпеть унижения. Очень скоро он собрал целое войско, готовое выступить против Ильяса Ходжи. Неумелый правитель и слабый военачальник Ильяс Ходжа стал терять один город за другим. Его почти вытеснили за пределы страны, но он пополнял свое войско и снова рвался к власти в Мавераннахре.

Однажды Ильяс Ходжа в очередной раз вторгся в страну. Тимур и Хусейн не успели пополнить свою армию новыми силами, но все же решили остановить его наступление. Они полагались на так часто сопутствовавшую им удачу.

Противники сошлись между Чиназом и Ташкентом. Это сражение началось без всякой подготовки. Просто одно войско столкнулось с другим, и началось сражение.

В самый разгар битвы, когда еще не было ясно, кто одержит победу, на головы сражающихся хлынул дождь, перешедший в ливень. Земля превратилась в жидкую, расплывающуюся грязь. Лошади копытами скользили по липкой жиже и падали, подминая под себя седоков.

Хусейн в отчаянии искал глазами Тимура, надеясь, что тот, как всегда, подскажет правильное решение. Но на этот раз Тимур был бессилён повлиять на ход сражения. Удача изменила им. Чтобы сохранить остатки войска, надо было уходить, и защитники покинули поле боя.

Эту проигранную битву в народе прозвали «грязевой битвой».

Отрываясь от преследователей, Тимур и Хусейн отступили к Самарканду.

– Что нам делать? – Хусейн, как всегда, рассчитывал на тонкость ума и находчивость друга.

Тимур молчал. Они потеряли много людей, а коварство погоды, сыгравшее с ними злую шутку, омрачило дух воинов. Было件нятно, что противостоять войску Ильяса Ходжи они сейчас не смогут.

– Они идут за нами по пятам, – мрачно заговорил Тимур. – И мы не сможем их остановить. Надо уходить. Иначе мы останемся без войска.

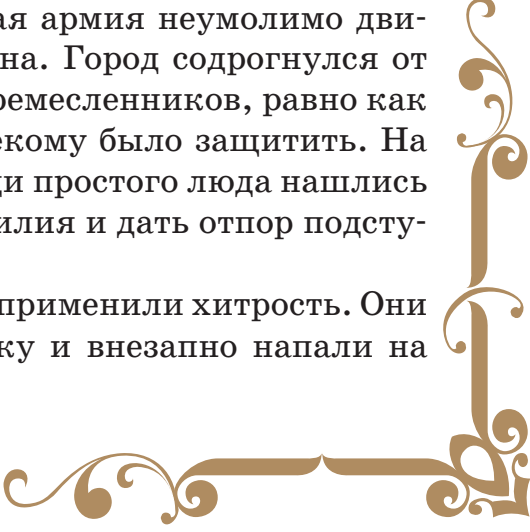
– Значит, мы оставим город?..

Тимур молча потрепал гриву своего коня и тронул поводья. Хусейн последовал за ним.

Так и не выделив ни одного гарнизона для защиты города, они перешли со своим войском Амударью и ушли в сторону Балха.

Самарканд остался без поддержки. Чужая армия неумолимо двигалась к городу, преследуя Тимура и Хусейна. Город содрогнулся от уготованной ему участи. Простых горожан, ремесленников, равно как и крестьян, обитавших у городских стен, некому было защитить. На улицах города началась паника. И тогда среди простого люда нашлись отважные головы, решившие объединить усилия и дать отпор подступавшим моголам.

Силой врага было не одолеть. И горожане применили хитрость. Они заманили идущих впереди воинов в ловушку и внезапно напали на них, когда те вошли в город.

Когда ловушка захлопнулась, войско Ильяса Ходжи потеряло сразу две тысячи воинов! Не ожидая такой дерзости от мирных горожан, моголы в панике отошли. А вскоре по неизвестной причине среди лошадей могольского войска начался мор – из каждых четырех лошадей оставалась в живых лишь одна. Это было страшнее битвы на поле боя.

В отчаянии Ильяс Ходжа отступил от Самарканда, не дождавшись даров, не взяв выкупа и не награбив добра. Его могущественный отец Токлуг-Тимур к тому времени уже скончался, и помощи ждать было неоткуда.

Потеряв боеспособность, моголы окончательно покинули Мавераннахр.

* * *

Расставшись после «грязевой битвы», Тимур и Хусейн не виделись всю зиму. Хусейн отправился к себе в Балх. Тимур провел зиму у себя дома, в Кеше, среди своих жен и детей.

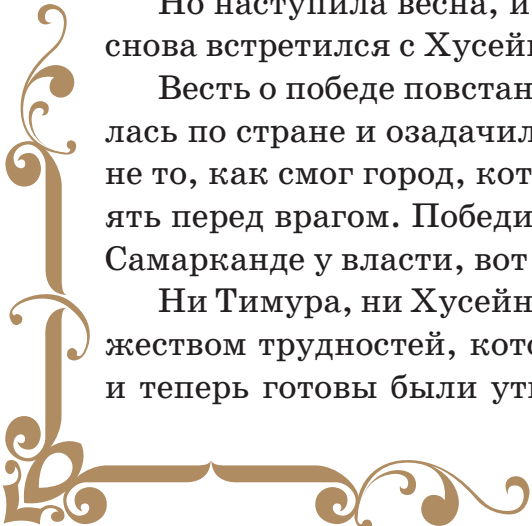
Увы, к тому времени его горячо любимая жена Улджай Туркан-ага, недолго поболев, умерла, угасла тихо, как искорка, захлестнутая слишком сильным порывом ветра. Тимур горевал. Ни к кому не испытывал он такой любви, как к ней, несравненной Улджай, светившей ему, подобно звездочке на небе. Затянула земля туманом, закрыло небо тучами его звездочку. Не было больше огонька в ночи, к которому так стремилась его душа. Одинокое стало ему, сумрачно, как будто мир этот потерял чистоту своих красок. Но об этом Тимур молчал, эту рану он прятал глубоко в своем сердце.

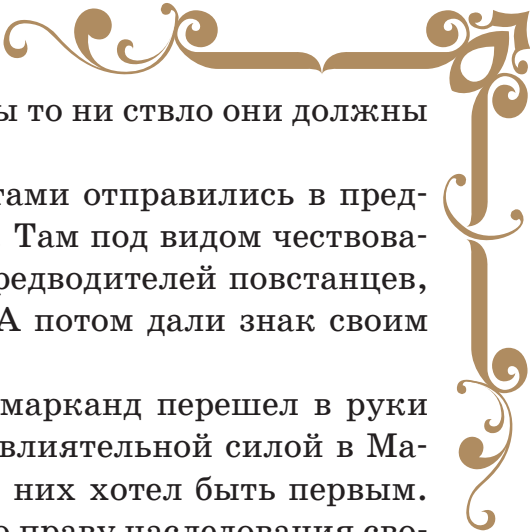
Свою любовь теперь он старался делить между всеми членами семьи поровну. Охотно занимался воспитанием своих детей в это короткое зимнее затишье.

Но наступила весна, и в Тимуре вновь пробудилась душа воина. Он снова встретился с Хусейном, чтобы обсудить недавние события.

Весть о победе повстанцев Самарканда над моголами эхом прокатилась по стране и озадачила, как оказалось, их обоих. Но волновало их не то, как смог город, который они оставили без всякой помощи, устоять перед врагом. Победители – местные повстанцы – теперь стояли в Самарканде у власти, вот что для них было главным!

Ни Тимура, ни Хусейна это не устраивало. Они были утомлены множеством трудностей, которые вставали перед ними на пути к власти, и теперь готовы были утвердиться любым путем. Самарканд был им

нужен. Если не силой, то хитростью во что бы то ни стало они должны были взять его под свою власть.

Сговорившись, оба эмира со своими свитами отправились в предместье Самарканда – местечко Канн-и-Гиль. Там под видом чествования победителей они выманили из города предводителей повстанцев, одарили подарками и оказали им почести. А потом дали знак своим людям схватить их и казнить.

Оставшийся без своих предводителей Самарканд перешел в руки Хусейна и Тимура. Теперь они были самой влиятельной силой в Мавераннахре. Но их было двое. И каждый из них хотел быть первым. Хусейн считал, что трон принадлежит ему по праву наследования своему деду Казагану. Тимур полагал, что может оспаривать это право. И не было больше красавицы Улджай, которая прежде связывала их родственными узами. Так недавние друзья превратились в опасных соперников. Возникшая между ними неприязнь превратилась в скрытую вражду. Вдвоем им было тесно на земле Мавераннахра.

Понимая, как опасен Тимур, Хусейн начал строить укрепление в принадлежавшем ему городе Балхе. Но Тимур догадался, что приготовления Хусейна направлены против него. И тогда он открыто повел свое войско прямо на Балх.

Город взяли в кольцо. Воины Тимура начали пробивать брешь в городской стене. На их головы со стены летели стрелы и камни. На место убитых и раненых вставляли новые бойцы, и штурм продолжался. Стены Балха были так крепки, что Хусейн до последнего момента надеялся, что они выдержат штурм. Однако Тимур был терпелив. Видя, как на его глазах вырастают горы из мертвых тел его воинов, он только сильнее проникался жаждой наказать своего бывшего друга Хусейна, а заодно избавиться от опасного соперника в его лице.

Наконец, в одном месте стена поддалась. Через образовавшуюся брешь воины Тимура ворвались в город. Растерявшийся Хусейн спрятался в цитадели.

– Глупец! Он надеется, что эти стены меня остановят! – насмешливо произнес Тимур, наблюдавший за ходом боя.

Но Хусейн и сам уже понял, что долго ему не продержаться. Ему оставалось одно: просить Тимура о примирении. Из цитадели через черный ход был отправлен гонец с устным посланием к Тимуру.

Тимур выслушал склонившегося перед ним посланника и произнес:
– Он просит примирения и гарантий сохранить ему жизнь? Хорошо. Я сохраню ему жизнь. Только это... и ничего больше. Вернись и передай ему мою волю – волю победителя!

Вечером из распахнутых ворот цитадели вышел Хусейн в сопровождении нескольких нукеров. Лицо его было бледным. Он был без оружия. Хусейн медленно направился туда, откуда наблюдал за ним Тимур. Тимур ждал его, сидя в походном кресле под открытым небом, и по его непроницаемому лицу трудно было догадаться, намерен ли он сдержать свое слово и сохранить жизнь своему бывшему другу. В какой-то момент нервы у Хусейна сдали, он вдруг развернулся и бросился бежать. Тимур предостерегающе поднял руку, давая понять своим воинам, что преследования не будет.

– Пусть уходит. Я даровал ему жизнь. Остальное – в руках Аллаха! – громко, чтобы слышали все, произнес победитель, демонстрируя свое великодушие.

Вряд ли кто-то заметил, как от свиты Тимура отделился человек и скрылся в том направлении, куда убежал Хусейн.

Город Балх Тимур отдал на разграбление своим воинам. Цитадель превратили в руины.

А уже через несколько часов стало известно, что Хусейн убит его кровным врагом Кейхосрау, который отомстил за пролитую много лет назад кровь своего брата.

Теперь у Тимура не было серьезных соперников в Мавераннахре. Была лишь одна зацепка, которая могла помешать ему встать у власти, – он не был потомком Чингис-хана. Этот вопрос Тимур решил просто. Одна из жен убитого Хусейна – Сарай Мульк-ханум – относилась к роду Чингизидов. Тимур взял ее из гарема своего бывшего друга и сделал своей женой. Сарай Мульк-ханум как ханская дочь заняла место старшей жены Тимура. Теперь он, Тимур, мог именоваться гурханом – зятем правящего дома. Это открывало ему путь к власти.

Собрав правителей всех провинций Мавераннахра, Тимур торжественно взошел на трон, сам опоясался царским поясом и возложил себе на голову корону.

Тридцати четырех лет от роду хромой Тимур был провозглашен эмиром Мавераннахра. Его звезда на крутом небосклоне разгоралась все ярче.

Восхождение, или путь садовника

*«Во сне я увидел себя
восходящим на высокую гору».*

(из биографии Тимура).

Удачная выдалась в это утро охота! Эмир Тимур любил поохотиться в степи за козой или зайцем, а если повезет, подстрелить и более крупного зверя. На охоте он отдыхал душой и отвлекался от государственных дел. Приближенные знали: всем другим развлечениям правитель предпочитает охоту и шахматы.

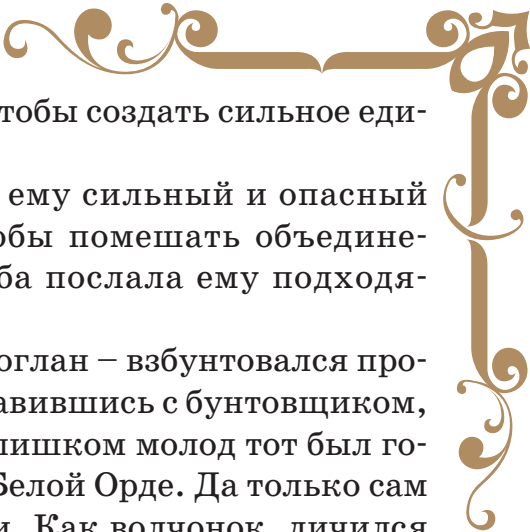
Сегодня Тимур вдоволь погонял по степи своего коня. Его охотничья свита состояла из нескольких приближенных к нему вельмож и группы нукеров. Трофеем эмира – двух диких коз – нукеры везли за ним следом. Эмир не спешил, остывая после захватывающей погони. Он был задумчив и молчалив.

Все его мысли сегодня вертелись вокруг одного имени: Тохтамыш! Неблагодарный, заносчивый мальчишка, который ухитрился спутать планы ему, эмиру Тимуру, правителю Мавераннахра и присоединенных земель!..

...А ведь с первых же дней правления, сразу после своего восхождения на трон в Мавераннахре (с того времени прошло почти десять лет), эмир Тимур зорко следил за всем, что происходило в Улусе Джучи*. А происходило там много такого, что порой тревожило эмира.

Два крыла Улуса – Белая Орда и Золотая Орда, пока они были разьединены, не представляли для Тимура серьезной опасности. Но однажды правитель Белой Орды Урус-хан задумал подчинить себе Золотую

*Улус Джучи – территории, ранее принадлежавшие старшему сыну Чингис-хана Джучи и включавшие в себя степи Дешт-и Кыпчака, расположенные к западу от Монголии, к северу и северо-западу от улуса Чагатая.

Орду, стать ханом над всем Улусом Джучи, чтобы создать сильное единое государство.

Этого-то эмир Тимур и опасался. Зачем ему сильный и опасный сосед? Тимур ждал удобного момента, чтобы помешать объединению двух частей Улуса. И, казалось, судьба послала ему подходящий случай.

Один из эмиров Белой Орды – Туй ходжа-оглан – взбунтовался против Урус-хана и за это был казнен. Но, расправившись с бунтовщиком, Урус-хан не тронул его сына Тохтамыша – слишком молод тот был годами. Оставили желторотого пленца жить в Белой Орде. Да только сам Тохтамыш не чувствовал себя в безопасности. Как волчонок, дичился тех, кто расправился с его отцом. Дважды он убежал из Орды, но его возвращали обратно. В третий раз Тохтамышу побег удался, и он явился за милостью и защитой к нему, эмиру Тимуру.

Сердце Тимура в ту пору было черно от горя: умер его старший сын, любимый сын Джахангир, едва достигший своего двадцатилетия.

Ну разве мог эмир отказать в помощи обиженному, оставшемуся без отца опальному юноше? Да еще принцу ханской крови, потомственному Чингизиду?! И он охотно взял Тохтамыша под свое покровительство. Он окружил его вниманием, обласкал и щедро одарил. Его сердце утешалось мыслью о том, что он, Тимур, является сейчас всем для несчастного отпрыска знатного рода.

А вскоре в голове у эмира созрел замечательный план.

Как-то в богато убранной комнате своего самаркандского дворца, восседая на персидских коврах и расшитых бисером подушках, Тимур обучал Тохтамыша игре в шахматы. На инкрустированной ценными породами дерева доске располагались изящные фигуры из слоновой кости.

Тохтамыш был смышлен, играл с увлечением. Но каждый промах вызывал в нем бурю возмущений. Это забавляло Тимура, но он подбадривал молодого соперника, разжигая в нем азарт игрока.

Незаметно от шахмат Тимур перешел к главному вопросу.

– Ты молод, мой друг, полон энергии и амбиций, – начал он свой разговор. – В твои годы юноши мечтают о славе, власти, богатстве. Разве ты не мечтаешь о том же?

И Тимур ласково заглянул в глаза юноши.

– А что ты имеешь сейчас? Только то, что даю тебе я, – эмир вздохнул с видимым огорчением.

– Я благодарен вам, светлейший эмир, за то, что вы спасли меня и приютили! – Тохтамыш с признательностью посмотрел на своего благодетеля.

– Ценю твою благодарность. Вежливость украшает молодых, – благосклонно произнес Тимур. – Но я думаю о твоём будущем. И о том, как много ты утратил со смертью отца.

– Казнь отца лишила меня всего...

– Но ты можешь вернуть все!

– Как? – в глазах и голосе Тохтомыша были недоверие и скрытая надежда.

– Я помогу тебе! И не только вернуть утраченное богатство, но и многократно увеличить его... Готов ли ты следовать моему плану?

– Я слушаю вас, светлейший эмир. Я готов следовать каждому вашему слову!

– Это я и хотел услышать от тебя. Вот мой план...

И Тимур открыл опальному юноше свой тайный замысел.

Он задумал отправить Тохтамыша походом на Белую Орду, поставив под его знамена свою армию. С армией Тимура Тохтамыш должен отвоевать у Урус-хана престол. После этого он, Тохтамыш, станет правителем Белой Орды. А эмир Тимур будет направлять его и во всем оказывать поддержку.

– Согласен ли ты взойти с моей помощью на трон Белой Орды?

– Я не смел и мечтать об этом, светлейший эмир!..

Тимур не стал надолго откладывать воплощение задуманного им плана. Расчет казался ему настолько верным, что он уже предчувствовал свой близкий триумф.

Но Тохтамыш с первых же шагов не оправдал его надежд. Дважды Тимур отправлял его походом на Белую Орду, чтобы он воссел на престол. И дважды Урус-хан, как щенка, прогонял мальчишку из своих владений.

Пришлось Тимурову взять этот поход на себя. Правда, зима в тот год выдалась слишком холодная, и Тимур решил дождаться тепла. А весной пришло известие о том, что Урус-хан умер. И теперь нужно было отвоевывать престол у двух его сыновей, каждый из которых хотел стать правителем.

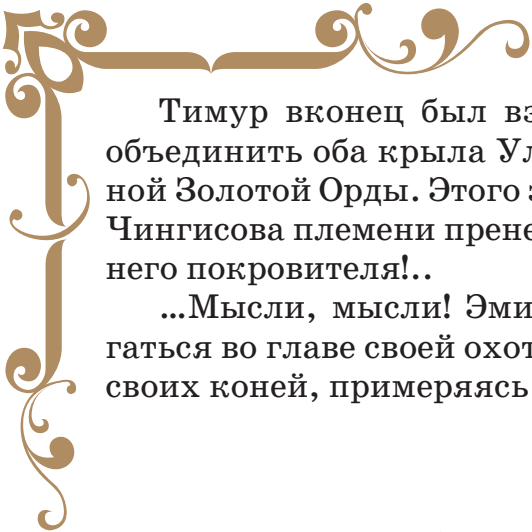
Отступить Тимур не собирался.

– Я всегда держу свое слово, – сказал он Тохтамышу. – Сдержу и на этот раз. Что изменилось? Лишь обстоятельства, но не цель.

Он сдержал свое слово. Спустя два года Тохтамыш с его помощью занял престол Белой Орды.

«Наконец-то, все получилось! – с удовлетворением думал Тимур. – Теперь мне не придется опасаться ни Белой, ни Золотой Орды!»

Эмир просчитался. Очень скоро юный хан Тохтамыш стал проявлять дерзость и действовать самостоятельно, не по указке своего наставника.

Тимур вконец был взбешен, узнав, что Тохтамыш сам задумал объединить оба крыла Улуса Джучи и встать во главе единой и сильной Золотой Орды. Этому эмир никак не ожидал. Желторотый отпрыск Чингисова племени пренебрег интересами и авторитетом своего недавнего покровителя!..

...Мысли, мысли! Эмир продолжал в глубокой задумчивости двигаться во главе своей охотничьей свиты. Другие всадники сдерживали своих коней, примеряясь к неспешному шагу его лошади.

* * *

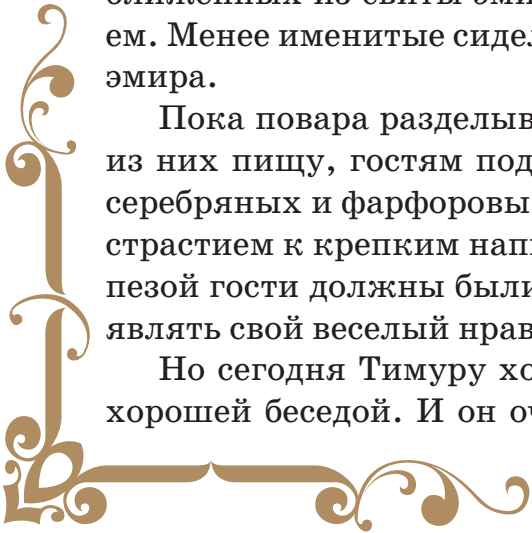
Дворец эмира в Самарканде по красоте своей мог сравниться разве что с драгоценным рубином, венчающим чалму правителя Мавераннахра! Тимур решил, что его столица станет самым богатым и красивым городом на земле. Он приказал укрепить Самарканд и украсить его новыми строениями.

Вокруг города поднялись крепкие стены. Со всего Мавераннахра созвали в город мастеров и художников, умеющих строить и украшать здания. А потом стали сгонять сюда умельцев из завоеванных государств. Раньше всего были построены цитадель и этот величественный дворец, который вызывал восхищение у чужеземных послов, прибывавших ко двору эмира.

Правда, роскошные покои дворца редко видели хозяина в своих стенах. У эмира было много богато украшенных домов с тенистыми садами в предместье Самарканда. Здесь проживали его жены. Здесь он обретал покой...

Сегодня после удачной охоты эмир и отправился в один из своих загородных домов, чтобы отдохнуть и попить вместе со своей свитой.

В просторной комнате стены и пол были украшены изразцами, а места для гостей покрыты великолепными персидскими коврами. Приближенных из свиты эмира рассадили в соответствии с их положением. Менее именитые сидели ниже, и места их располагались дальше от эмира.

Пока повара разделявали добытых на охоте животных и готовили из них пищу, гостям подали вина в высоких кувшинах и фрукты на серебряных и фарфоровых блюдах. Хотя сам Тимур не отличался страстием к крепким напиткам, он любил щедрое застолье. За его трапезой гости должны были много пить и есть и, соблюдая обычаи, проявлять свой веселый нрав.

Но сегодня Тимуру хотелось развеять свою затянувшуюся хандру хорошей беседой. И он очень обрадовался, узнав, что из Самарканда

сюда вслед за ним приехал его духовный наставник – шейх Береке, который часто сопровождал его в поездках и военных походах.

Усадив шейха на самое почетное место и предложив ему лучшие угощения, Тимур завел с преданным ему старцем глубокомысленную беседу.

– Дорогой шейх! Вы – моя поддержка в делах управления государством, – проявляя уважение, начал эмир. – А что представляет собой государство, не поддерживаемое религией и законами? Оно похоже на дом без крыши, дверей и запоров. Даже самый презренный из людей может войти в него!

– Небо свидетель – нет на земле повелителя мудрее и благороднее тебя, светлейший эмир! – с восхищением заметил шейх, склоняя свою седую голову перед мудростью и благородством эмира.

– О да, я всегда стремлюсь быть справедливым правителем для своих подданных, – охотно подхватил эмир мысль шейха. – К примеру, каждый эмир или тысячник в Мавераннахре, чтобы содержать себя, получает себе в подчинение какой-нибудь из заселенных участков земли. Как только проходят три года, я посылаю туда человека, который выясняет: довольны ли жители своим управителем? Не разорил ли он их непосильными поборами? И если выясняется, что с людей взымалось лишнее, на следующие три года я оставляю нерадивого управителя без всякого содержания! Пусть неповадно будет грабить мой народ!

– О! Это настоящая забота о подданных, мой эмир! – произнес растроганный шейх.

Эмир продолжал:

– Все, присвоенное от чрезмерной жадности, я отбираю и возвращаю подданным!

Слезы навернулись на глаза растроганного шейха после этих слов эмира.

– Вот воплощение высочайшей справедливости! – вознося руки к небу, произнес он. – Твои поступки говорят о твоём высоком предназначении в этой жизни.

– Мое предназначение – установить справедливое правление во всем моем государстве, – заметно оживившись, произнес эмир. Государство Тимура должно стать образцом великолепия: города с прекрасными зданиями, храмы, мечети, медресе! Ученые, архитекторы, мастера изящных искусств! Я преобразую свои владения, и люди будут хранить благодарную память обо мне в веках!..

Слуги внесли только что приготовленное горячее мясо на больших серебряных блюдах и поставили перед эмиром, шейхом и каждым из давно проголодавшихся гостей.

– Но чтобы сделать всех этих неразумных людей счастливыми, – продолжал Тимур, – сначала приходится их покорить. Что я и делаю. Ведь, чтобы государство было сильным, оно должно быть большим. И я увеличил свое государство за счет соседних земель! Я объединил все земли между Амударьей и Сырдарьей, присоединил к ним Фергану и Шашскую область, а также весь Южный Хорезм!

После этого эмир взял с блюда кусок мяса, давая понять, что все могут следовать его примеру. Быстро замелькали руки над дымящимся мясом, заработали челюсти, а тщательно обглоданные кости возвращались обратно на серебряные подносы, которые тут же уносили слуги.

Сам Тимур ел мясо без спешки, время от времени по-хозяйски оглядывая своих гостей. Он видел, что гости сыты и веселы, а это всегда нравилось Тимуру.

И только мысль о Тохтамыше все терзала его душу, омрачая прекрасное застолье. Тимуру хотелось хоть на время забыть о нанесенной ему обиде.

Трапеза была в самом разгаре, когда прибыл посольный с важной вестью для эмира. На реке Калке хан Тохтамыш сразился с Мамаем, нынешним правителем Золотой Орды. Войско Мамаея повержено, сам он с небольшим отрядом скрылся.

Опять Тохтамыш!

– Что ж, Тохтамыш сделал удачный ход, – с видимым спокойствием произнес эмир. – Именно сейчас, когда Мамай потерпел поражение от русского войска* и еще не оправился от потерь, можно было одолеть его. И Тохтамыш не пропустил этого момента.

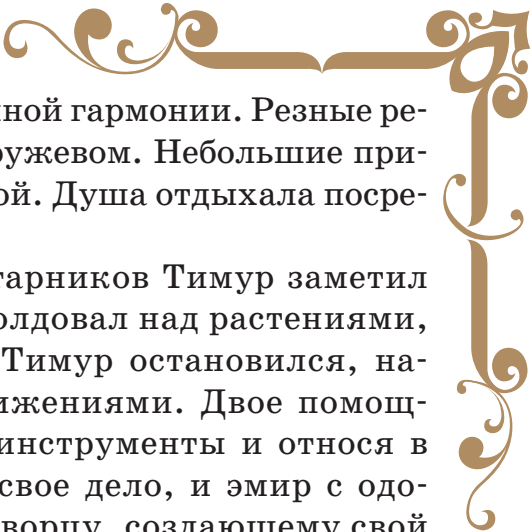
А про себя подумал: «Теперь ему будут подчиняться обе Орды – Белая и Золотая. И что еще взбредет в голову взбалмошному ханскому отпрыску – знает один Всевышний!»

* * *

Тревожные мысли долго не давали эмиру уснуть этой ночью. Утром, как только первый робкий луч скользнул по розовому шелку расшитого золотом тонкого балдахина в его спальне, он облачился в просторный атласный халат и вышел наружу. Эмир не хотел лишать себя удовольствия насладиться прекрасным видом утреннего сада.

Красотою этого сада, как и дома, похожего больше на дворец, можно было восхищаться бесконечно. Весь он был идеально ухожен.

*1380 год, Дмитрий Донской на Куликовом поле разбил войско Мамаея.

Цветы и деревья создавали ощущение полной гармонии. Резные решетки легких беседок казались ажурным кружевом. Небольшие причудливые водоемы сверкали прозрачной водой. Душа отдыхала посреди этого великолепия.

В одной из аллей среди деревьев и кустарников Тимур заметил садовника, который, словно волшебник, колдовал над растениями, совершая одному ему ведомые действия. Тимур остановился, наблюдая за его мягкими и уверенными движениями. Двое помощников выполняли его указания, подавая инструменты и относя в сторону срезанные ветки. Садовник знал свое дело, и эмир с одобрением подумал: «Этот человек подобен Творцу, создающему свой восхитительный мир!»

Он подошел к садовнику ближе, и тот почтительно поклонился.

– Скажи, – обратился к нему Тимур, увидев целую кучу срезанных зеленых ветвей, – почему ты срезаешь ветки с этих деревьев?

– Они растут не в нужном направлении и этим портят общий вид, – охотно объяснил садовник. – Сад должен соответствовать тому замыслу, который положен в основу его устройства. Иногда приходится пожертвовать множеством веток, чтобы добиться неповторимой красоты всего сада в целом.

– А что ты сделаешь с этими ветками?

– Эти ветки я сожгу вместе с мусором. А сад останется чистым и прекрасным.

– Ты хороший садовник, – глядя на кучу срезанных веток, задумчиво произнес Тимур. – Ну а если к этому прекрасному саду приставить не одного, а десять хороших садовников, смогут ли они сделать его в десять раз прекраснее, чем сейчас?

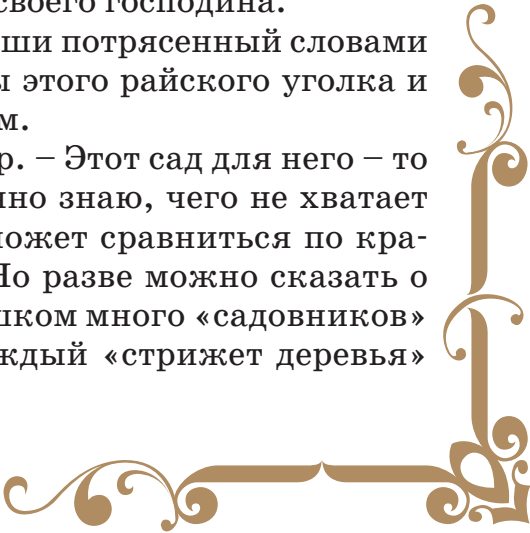
Садовник снова поклонился, прежде чем ответить.

– Если десять садовников соберутся в одном саду, они могут вовсе разрушить его гармонию, – сказал он. – Ведь у каждого из них будет свое представление о прекрасном.

Сказав это, садовник, словно извиняясь, отвесил нижайший поклон и стоял так, ожидая приказа или вопроса от своего господина.

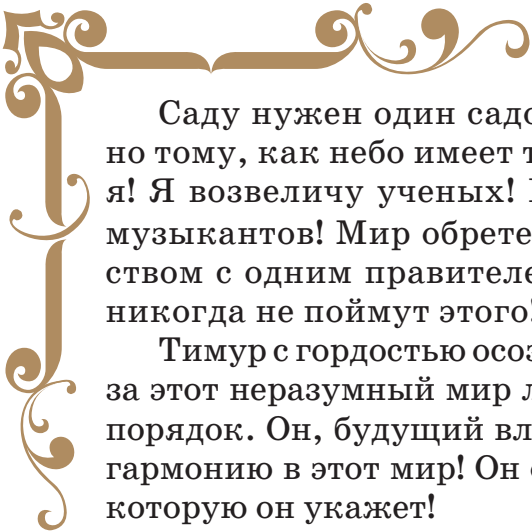
Но Тимур уже шел дальше, до глубины души потрясенный словами садовника. Его мысли вырвались за пределы этого райского уголка и стремительно понеслись над огромным миром.

О, как мудр этот садовник! – думал Тимур. – Этот сад для него – то же, что для меня – этот мир! И теперь я точно знаю, чего не хватает этому миру для обретения гармонии. Что может сравниться по красоте с небом? Оно неделимо и безупречно! Но разве можно сказать о людском мире, что он безупречен? Нет! Слишком много «садовников» обустроивают этот гигантский «сад». И каждый «стрижет деревья» по-своему.

Саду нужен один садовник, миру нужен один правитель. Подобно тому, как небо имеет только одного Бога! И этим правителем буду я! Я возвеличу ученых! Щедро одарю мастеров! Обласкаю поэтов и музыкантов! Мир обретет счастье, когда он станет единым государством с одним правителем и единой для всех религией. Сами люди никогда не поймут этого!»

Тимур с гордостью осознал, что берет на себя груз ответственности за этот неразумный мир людей, который необходимо было привести в порядок. Он, будущий владыка мира, несравненный Тимур, принесет гармонию в этот мир! Он обрубит все ветки, растущие не в ту сторону, которую он укажет!

Вдохновленный этими мыслями эмир стремительно шествовал по садовым аллеям, и его хромота в эти минуты казалась несущественной в сравнении с гордой посадкой его головы.

Тимур стал готовить войско к военному походу. Конники и пехотинцы затачивали копья, стрелы, сабли, начищали медные щиты и проверяли надежность своих луков. Тимур не хотел больше и дня тратить на праздность и развлечения. Очень скоро войско Тимура выступило в поход. Эмир шел покорять народы, вооружившись не только мощью армии и честолюбивыми замыслами. Его оружием были пронцательность, осторожность, хитрость и жестокость. С помощью этих средств он брал многие города без боя.

Город курдов Герат сдался в обмен на обещание Тимура сохранить людям жизнь. Эмир обложил город огромной данью. Потом приказал снять резные городские ворота и отправить их в свой родной Кеш.

Хорасан отдали Тимуру жители, которые были недовольны своим правителем. Взяв Хорасан, Тимур посадил в нем правителем своего сына Мираншаха.

Население горных районов Эльбурза и Гильтана не смогло оказать достойного сопротивления войску Тимура, и эти районы были легко покорены.

Он приказал опустошить Сеистан, где в молодости был жестоко изувечен местными скотоводами.

Дойдя без проблем до Мазандерана и получив настоящий отпор от жителей этого государства, Тимур вихрем прошел по его городам и велел разрушить здешнюю столицу – Астарабат...

В Самарканд Тимур возвращался с богатой добычей. Ему было чем одарить своих подданных.

Несколько дней столица Мавераннахра праздновала его победы. Гремели барабаны. На огромных шкурах прямо на улицы для горожан выносили горы вареного мяса. Люди славили эмира. Тимур был доволен.

* * *

Он заскучал, как только праздник отшумел и жизнь столицы вошла в размеренное русло. Он ездил на охоту, услаждал себя игрой в шахматы и долгими беседами с учеными людьми.

Его мирная жизнь, как и военная, подчинялась установленным им самим правилам. Четыре визиря отчитывались перед эмиром за все государственные дела. Имелись у Тимура и особые подданные. Это были отдельные люди и отряды, которые доставляли ему сведения обо всем, что происходило на границах Мавераннахра с соседними государствами и даже в глубине других государств.

Он посещал строительные площадки Самарканда, чтобы своими глазами увидеть возведение новых прекрасных зданий.

– Самарканд должен стать лучшей столицей мира! – говорил Тимур.

И чтобы искусные мастера, многие из которых были пленными чужеземцами, быстрее работали, иногда сам бросал им вареное мясо.

Но эмир быстро пресытился мирными делами. Он собрал совет, состоявший из представителей духовенства, знати, гражданских и военных чинов, и объявил им о том, что пришло время продолжить завоевательные походы. Его взор был направлен в сторону Западной Персии и соседних с ней государств.

Он потребовал от подданных предоставить его армии много лошадей для следующего похода. Был объявлен сбор войска, которое в отсутствие войны вело обычную мирную жизнь, заботясь о своих семьях и своем хозяйстве.

Эмир испытывал чувство нетерпения. Ведь ему было уже 50 лет, а он еще не воплотил всего, о чем мечтал! Военная тропа становилась дорогой его жизни, а новые завоевания – единственной целью.

* * *

Шел 1386 год.

Армия Тимура уверенно вступила на чужие земли.

Когда воины брали очередной город, эмир приказывал делить население на две части. Знатных людей, ученых, архитекторов, мастеров отправлял в свою столицу – Самарканд. Их знания и умения становились достоянием государства Тимура.

Его воины имели и другие инструкции по захвату новых городов. Например, не каждый захваченный город подвергался грабежу и на-

силию. Тех, кто покорно склонял свою голову, Тимур миловал. Но горе было городам, которые оказывали сопротивление!

Кровь и слезы лились рекой по земле, на которую ступала нога покорителя народов – эмира Тимура. И не было перед его глазами иного пути к прекрасному и гармоничному будущему.

Стояла теплая южная осень, когда огромное войско Тимура вторглось в пределы Армении. Воины шли широким фронтом, растекаясь по полям, горам и ущельям, вытаптывая и опустошая все вокруг. Встретившиеся на пути крепости Гарни, Карс и другие были разгромлены.

Часть армии продвинулась в Грузию, чтобы штурмом взять Тбилиси. Грузины знали о приближающейся опасности. Царь Грузии Баграт V лично возглавил оборону города.

Первая атака на город не удалась. Грузины отбросили нападавших назад. Баграт ждал второго штурма, но его не было. Ночь для грузин прошла в тревожном ожидании. На следующий день Тимур сам повел своих воинов на штурм Тбилиси. Но их опять постигла неудача. Баграт V вынудил Тимура отступить с большими потерями. После нескольких безуспешных попыток Тимур перешел от штурма к осаде.

Его воины соорудили самодельные метательные орудия и подтянули их к городу. Но наспех сделанные орудия лишь калечили нападавших. Надо было искать другие решения. Тогда воинам было приказано плести корзины и железные сети. Во время очередного штурма ими накрыли большие группировки войск и техники. Двигаясь под железной защитой и непрерывно вводя новые силы взамен убитых, нападавшие сумели протаранить ворота.

Мгновенно барабанный бой и хищный рев захватчиков наполнили город. В этом грохоте тонули слова проклятий и предсмертные крики обреченных на смерть жителей Тбилиси. Баграта V схватили и привели к Тимуру.

– Какова твоя вера? – спросил его Тимур.

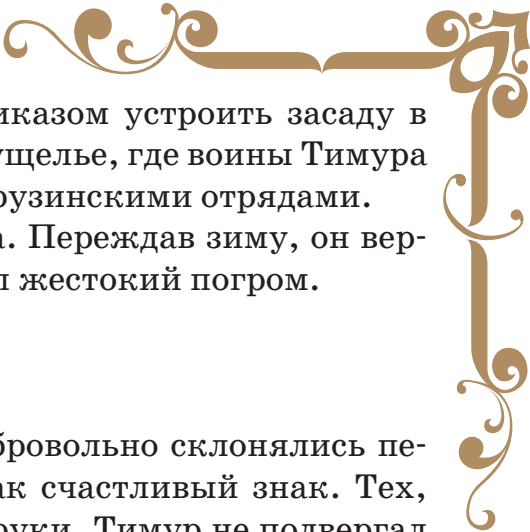
– Я – христианин, как и весь мой народ, – без страха и гордо ответил пленник.

– Ты можешь спасти свой народ, если примешь мою веру и сделаешь мусульманами своих подданных. Подумай об этом! – надменно сказал победитель.

– Я подумаю, – ответил Баграт V.

Он понимал, что выбора у него нет.

И вот, в сопровождении 12 тысяч своих воинов Тимур отпускает царя домой – убеждать грузин отойти от своей веры и принять мусульманство. Но грузинский царь не был искренним с Тимуром.

Тайно он послал письмо своему сыну с приказом устроить засаду в удобном месте. Баграт V завел отряд в узкое ущелье, где воины Тимура были порублены выскочившими из засады грузинскими отрядами.

Обман глубоко уязвил самолюбие Тимура. Переждав зиму, он вернулся в Грузию с большим войском и устроил жестокий погром.

* * *

В Персии многие города и княжества добровольно склонялись перед завоевателем. Эмир воспринимал это как счастливый знак. Тех, кто, спасая жизнь, покорно отдавался в его руки, Тимур не подвергал грабежу, а облагал данью.

Храбрецов, не желающих сдавать свои города, ждала кровавая расправа.

– Я убираю «ветки», которые могут испортить гармонию моего «сада», – говорил Тимур, уподобляя себя величайшему садовнику.

Он стремился покорить себе как можно больше стран. Но армия продвигалась не так быстро, как ему хотелось. На покоренных землях разгорались восстания. Дань, которую Тимур облагал неразграбленные города, была слишком велика. И это вызывало смуту среди народа. Приходилось поворачивать войско то в одну сторону, то в другую и умирять дерзких. Он становился все более жестоким в своем стремлении наказывать непокорных. Так было с Исфаганом.

Взяв Исфаган, Тимур сохранил цитадель, проявив этим великую милость. Он оставил здесь наместника собирать для него дань с горожан. Но как только эмир покинул город, люди взбунтовались. Местный кузнец возглавил толпу, которая набросилась на наместника, а потом пербила три тысячи воинов Тимура, оставленных здесь для наведения порядка. Весть об этом настигла Тимура в пути.

– Неблагодарные! Они не оценили моего великодушия! – в гневе изрек он. – Я должен строго наказать бунтовщиков в назидание другим.

Не задумываясь, эмир повернул войско обратно и объявил свой приговор: все жители города, кроме потомков Пророка, должны быть истреблены!

К утру 70 тысяч отрубленных голов исфаганцев были выброшены за городские стены. По улицам города текли реки крови, и уже не было слышно стонов. Но этого эмиру показалось мало. Тимур покинул это кровавое место только тогда, когда вокруг города выросло семь башен, каждая из которых была сложена из 10 000 человеческих черепов...

И некому было оплакать этих несчастных...

* * *

В разрушенных Тимуром городах оставались нетронутыми только мечети и минареты. Его могущество росло, как и его кровавая слава.

И в это время на пути Тимура снова встал Тохтамыш. Пока Тимур воевал в Персии, хан Золотой Орды вторгся в пределы Мавераннахра и теперь грабил его города, продвигаясь в глубь страны. Войско Тохтамыша было уже у стен Бухары и Самарканда. Получив эту весть, Тимур вместе с тридцатитысячной армией бросился на помощь своим осажденным городам.

Тохтамыш поспешно отступил, уклонившись от столкновения, и затаился. Но лишь на время. Его набеги на Мавераннахр продолжались, и это снова и снова отвлекало Тимура от его собственных великих замыслов покорить весь мир.

Тимур понимал, как некстати сейчас начинать войну с Тохтамышем. Вон как разрослась у того империя – от низовий Сырдарьи до Днестра, от Отрара – почти до Киева. И покорить Тохтамыша теперь непросто. Но не только это заставляло эмира медлить. Он носил в душе рану от пережитого предательства. Он жаждал услышать от Тохтамыша слова раскаяния и потому не торопился покарать его за неблаговидность поступков...

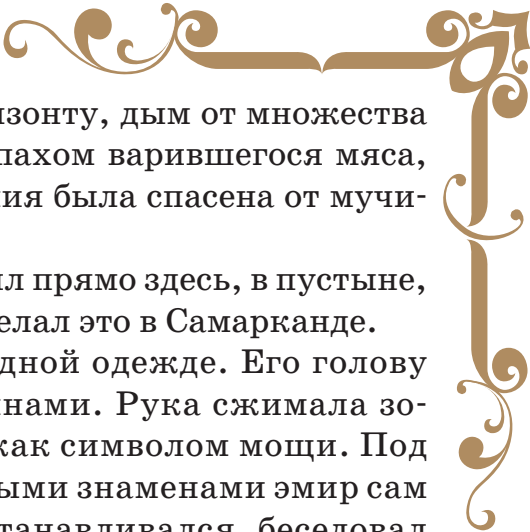
И только нападение Тохтамыша на Мавераннахр стало для Тимура каплей, переполнившей чашу его терпения. Ночью он молился. Утром, собрав совет, объявил о своем решении начать этот поход. И знамена войны развернулись в сторону Золотой Орды.

* * *

Теперь Тимур жаждал встретиться с Тохтамышем лицом к лицу. Уже третий месяц он вел свое войско пустыней, а дать открытый бой все не получалось. Не было нигде Тохтамыша! В безводной пустыне армию эмира истощили жажда и нехватка пищи. Тимур рассылал разведчиков по всем направлениям, по каждому донесению перебрасывал войско в указанное место, но все безрезультатно. Тохтамыш оставался неуловимым.

Войско уже голодало, но безропотно следовало за своим полководцем.

Чтобы накормить ослабевших воинов, Тимур устроил в степи грандиозную облавную охоту. Образовав огромный круг, воины стали сблизаться, загоняя всех крупных и мелких зверей в середину этой гигантской ловушки. Охота была удачной.

К вечеру, когда солнце склонилось к горизонту, дым от множества разведенных в степи костров смешался с запахом варившегося мяса, обещая преследователям сытный ужин. Армия была спасена от мучительного голода.

Но дух воинов был подавлен. И эмир решил прямо здесь, в пустыне, устроить смотр своим войскам. Так, как он делал это в Самарканде.

Он появился перед армией в своей парадной одежде. Его голову венчал шлем, украшенный золотом и рубинами. Рука сжимала золотой скипетр с бычьей головой на конце, как символом мощи. Под грохот барабанов, строй за строем, под боевыми знаменами эмир сам верхом объехал ряды воинов. Иногда он останавливался, беседовал с простыми солдатами и осматривал их оружие. Он вдохновлял их на победу, обещая богатую добычу. И воины воспрянули духом.

Тимур гнался за Тохтамышем почти до самой Волги. На реке Кондурча, между Самарой и Чистополем, хан Золотой орды замешкался, и Тимур, наконец, заставил его принять бой.

Две армии напряженно стояли в степи друг против друга, готовые к бою. Со стороны войска Тимура, раздвинув плотные ряды воинов, вперед вышел маленький шейх Береке и, повернувшись лицом к противнику, начал читать молитву. Потом поднял с земли горсть пыли и, с яростью бросив ее в сторону врага, произнес:

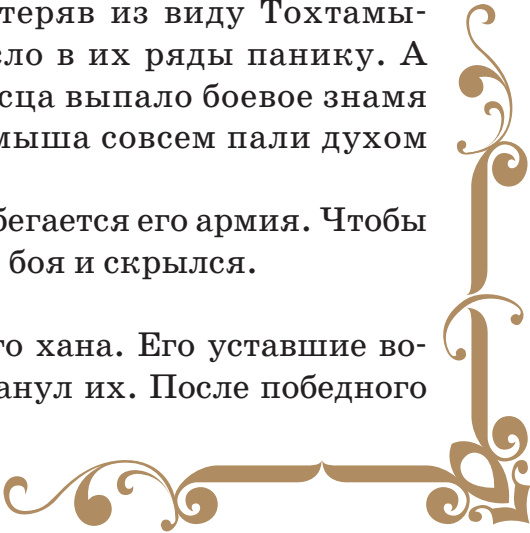
– Да омрачится чело ваше стыдом поражения!

Обе стороны, не сговариваясь, восприняли этот жест, как сигнал к началу битвы.

Всей своей мощью двухсоттысячная армия Тимура обрушилась на войско Тохтамыша! Воины, измученные длительным преследованием противника, бились с невиданной яростью. Какое-то время было неясно, на чьей стороне перевес. Потом воины Тохтамыша стали терять позиции. Сказалось долгое отступление, из-за которого войско утратило боевую форму. Передовая конница после отчаянного сопротивления была опрокинута. Потеряв из виду Тохтамыша, фланги решили, что он убит. Это внесло в их ряды панику. А увидев, как в разгар боя из рук их знаменосца выпало боевое знамя и тот распростерся в пыли, солдаты Тохтамыша совсем пали духом и обратились в бегство.

Тохтамыш с ужасом взирал на то, как разбегается его армия. Чтобы не попасть в плен к Тимуру, он покинул поле боя и скрылся.

Тимур не стал преследовать побежденного хана. Его уставшие воины нуждались в передышке. Тимур не обманул их. После победного

боя им досталась богатая добыча – золото, драгоценности, скот и рабыни-черкешенки, что в походах сопровождали армию Тохтамыша.

Тимур велел разбить лагерь и остановиться на отдых. Наступили долгие дни и ночи пиршеств и увеселений с прекрасными, как пери, пленницами.

Вернувшись в Самарканд, эмир продолжил триумфальные празднества вместе с жителями столицы.

* * *

Эта битва с Тохтамышем не стала последней. Хан Золотой Орды не смирился с поражением и собирал новые силы для нападения на Тимура. Когда эмир Тимур в очередной раз отправился походом на Персию, Тохтамыш почти шел по его следам, грабя города, которые уже были покорены Тимуром. Озадаченный его упрямством, Тимур послал ему примирительное письмо, на что Тохтамыш ответил грубым посланием.

Видя, что примирение невозможно, Тимур снова двинулся за Тохтамышем. На этот раз он настиг его у берегов Терека. Тохтамыш хотел заманить Тимура в ловушку в узкое ущелье. Или же снова изнурить его отступлением. Но Тимур разгадал эту хитрость и заставил Тохтамыша принять бой на ровном месте.

Утро, за мгновение до этого игравшее всеми красками весеннего цветения, вдруг превратилось в ад, когда две армии выпустили друг в друга град стрел, за которыми не видно стало солнца. Потом воины сошлись в смертельном рукопашном бою, разя друг друга и топча тела убитых.

Эта тяжелая для обеих сторон битва длилась почти три дня. И тут Тохтамыш решил сделать то, на что раньше не отваживался. Он приказал оттеснить Тимура от его войска и убить.

Тимур, возглавлявший, как всегда, свои резервные силы, не сразу заметил, что он с небольшим отрядом отрезан от основного войска. А когда увидел, что к нему прорвались вражеские воины, выхватил саблю.

Он яростно сражался, не прячась за спины простых воинов. Но в какой-то момент ему показалось, что уже не сдержать натиска тех, кто окружил его плотным кольцом, и что помощь к нему не подоспеет...

В нем не было страха. Но в душе его жил неистребимый дух протеста. Что ж, если Всевышний решил забрать его душу, то пусть сделает это как-то иначе, не в этом бою, не руками трусливого мальчишки Тохтамыша! Пусть не падет на его голову этот позор!

И он отчаянно воззвал к Богу.

Вдруг, перекрывая звуки битвы, где-то рядом раздался знакомый воинственный клич. К нему на помощь спешили его пятьдесят преданных нукеров, сумевших пробиться сквозь кольцо нападавших. Сердце Тимура возликовало – Создатель снова послал ему щит в минуту смертельной опасности!

Разметав окружавших его противников, Тимур вдохновенно продолжал вести бой и уже не сомневался, что Всевышний в этой битве – на его стороне!

Тохтамыш же, увидев, что его план захвата Тимура не удался, испугался возмездия и, как в прошлый раз, поспешно покинул поле битвы. Его армия была брошена на произвол судьбы. Войско, оставшееся без командующего, было полностью разбито.

Победа над Тохтамышем много значила для Тимура. Теперь у него не было опасного и вечно напоминающего о себе противника в лице неблагодарного Тохтамыша. Хотя сам Тохтамыш еще где-то скрывался, никакой силой он уже не обладал. Продолжая свой поход, эмир дошел до границ русских земель, разорил и сжег город Елец. Военная удача влекла его в Москву, но благоразумие полководца возобладало в нем над азартом хищника. Близилась зима, и он не решился вести огромное войско дальше на север.

– Зачем рисковать армией, бросая ее в объятья суровой русской зимы? – рассуждал Тимур. – Разве мало еще не завоеванных южных государств?

И он повернул армию назад.

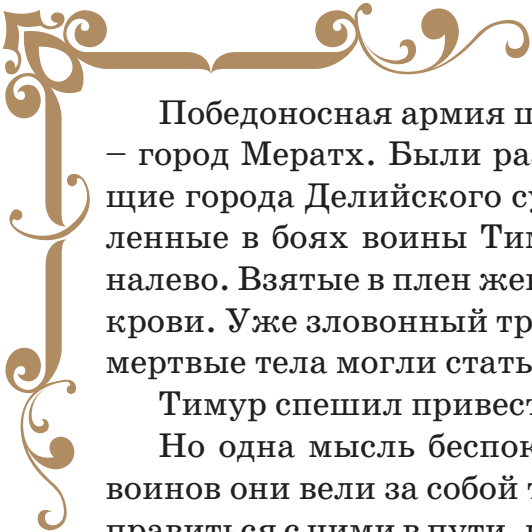
* * *

В одну из ночей, когда эмир спал в роскошных покоях своего загородного дома, ему приснился сон, как будто на широком лугу пастись стадо тучных коров. А он идет с подойником от одной коровы к другой и собственноручно доит их.

Наутро Тимур обратился к своему постоянному собеседнику – шейху Береке с просьбой объяснить странный сон.

– Несомненно, сновидение это свидетельствует о том, что богатства твои многократно умножатся, – одобрительно кивая головой, произнес шейх, умудренный знаниями тайного смысла вещей.

Через несколько дней Тимур собирался начать поход в Индию, и сон этот был хорошим предзнаменованием. Значит, его ждала легкая победа и богатая добыча. Он двинулся на юг, и его армия уверенно ступила на землю сказочного Индустана. Индусы были носителями чуждой веры и не заслуживали великодушия, считал Тимур.

Победоносная армия штурмом взяла почти неприступную крепость – город Мератх. Были разграблены и обращены в пепел самые цветущие города Делийского султаната. Людей убивали без жалости. Закаленные в боях воины Тимура утомились, разя несчастных направо и налево. Взятые в плен женщины и дети в ужасе шли по трупам в лужах крови. Уже зловонный трупный запах стоял в воздухе. Разлагавшиеся мертвые тела могли стать угрозой здоровью воинов.

Тимур спешил привести армию к стенам столицы – Дели.

Но одна мысль беспокоила эмира: сто тысяч пленных индийских воинов они вели за собой только потому, что не было возможности расправиться с ними в пути, где повсюду уже лежали горы трупов. Теперь, во время боя, эти люди могли разбежаться и даже помешать взятию города.

Не найдя другого решения, Тимур приказал уничтожить пленных до начала осады города. Солдаты бросились исполнять указание. Через час адской резни и душераздирающих криков безоружных людей все было кончено. Жуткая тишина воцарилась у стен Дели. Уставшие солдаты растаскивали трупы, чтобы они не мешали предстоящему бою.

Утром следующего дня армия в полной боевой готовности ждала указаний к действию. Тимур держал совет с военачальниками. Как обычно, он тщательно разрабатывал тактику предстоящего боя.

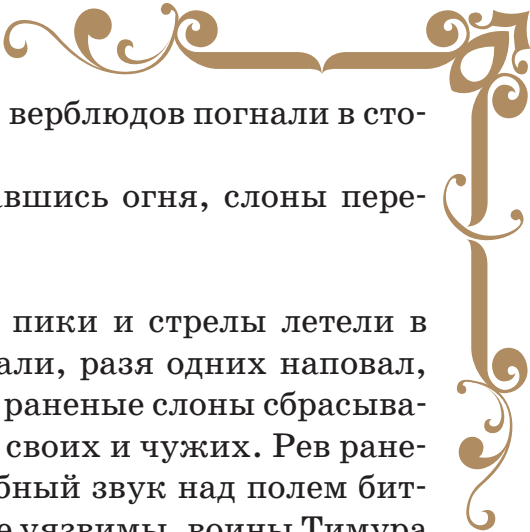
Неожиданно ворота города распахнулись, и перед глазами ожидавших команды к бою солдат предстало зрелище, поразившее даже видавших виды воинов. Это была армия боевых слонов, которых выставил против осадившего город войска правитель Дели Махмуд. Огромные животные двинулись в сторону неподвижно застывшего войска Тимура.

Впервые за свою боевую практику воины непобедимой армии пришли в ужас. Началась паника. Одни пытались бежать, видя приближающихся чудовищ. Другие падали на колени и в страхе закрывали лица руками. Большинство воинов решило, что это кара небесная настгла их, вняв проклятьям невинно убиенных.

Ужасные невиданные звери несли на себе вооруженных воинов. И все это неотвратно приближалось, парализуя волю не знавшей прежде страха армии победителя народов. Передовые отряды Тимура волной откатились назад, тесня стоявших за ними.

– На-аза-а-ад!!! – пронеслось над головами объятых паническим страхом воинов. И они быстро восстановили нарушенный строй.

Мгновенно оценив ситуацию, Тимур отдал приказ, который должен был спасти исход боя. Из обоза вывели верблюдов, горбы которых бы-

ли обвязаны пучками сена. Сено подожгли, и верблюдов погнали в сторону наступавших слонов.

Расчет Тимура оказался верным. Испугавшись огня, слоны перестали повиноваться своим погонщикам.

Теперь вперед двинулась армия. Острые пики и стрелы летели в слонов и в защитников города. Сабли сверкали, разя одних наповал, другим нанося жестокие раны. Разъяренные раненые слоны сбрасывали сидевших на них людей и топтали подряд своих и чужих. Рев раненых животных сливался в один жуткий трубный звук над полем битвы. Увидев, что эти страшные животные тоже уязвимы, воины Тимура снова обрели свою железную уверенность.

Предводитель индусов Махмуд с отчаянием наблюдал, как на его глазах войско теряет боеспособность. Индусы мужественно защищали свой город, но почти все они погибли под ударами превосходящих сил войска Тимура. Махмуд, оставшись без войска, скрылся в городе.

Нападавшие ворвались вслед за ним в незащищенные ворота и заполнили улицы и площади столицы. Три дня в Дели продолжались грабежи и насилия, ужас которых трудно описать. А вокруг столицы земля была покрыта трупами поверженных людей и отсеченными хоботами боевых слонов.

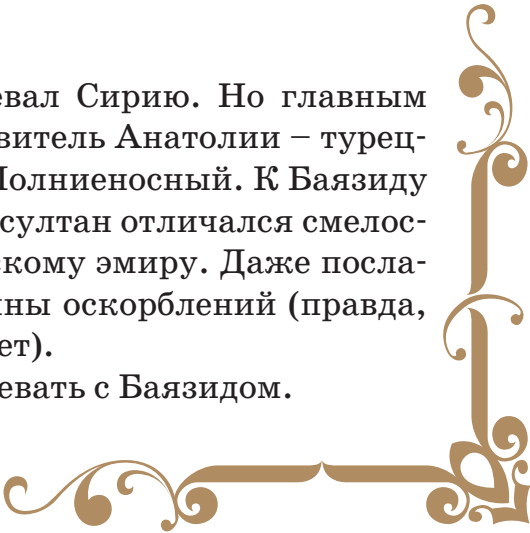
Армия Тимура дошла до Ганга и повернула обратно. Тимур был удовлетворен. Сказочно красивая страна «неверных» после нашествия выглядела безжизненной пустыней. А сам он возвращался в Самарканд с несметными богатствами.

Сотни тысяч человек были убиты только в одном Дели. Почти миллион пленных индусов покорно следовали за армией, чтобы превратиться в рабов. Еще одним трофеем Тимура стали более десятка боевых слонов, которых удалось поймать после боя.

* * *

В своем следующем походе Тимур завоевал Сирию. Но главным противником Тимура в этом походе стал правитель Анатолии – турецкий султан Баязид, получивший прозвище Молниеносный. К Баязиду у Тимура была давняя неприязнь. Турецкий султан отличался смелостью и не проявлял почтения к мавераннахрскому эмиру. Даже послания, которыми они обменивались, были полны оскорблений (правда, лишь тех, которые допускал восточный этикет).

Но в глубине души Тимур не хотелось воевать с Баязидом.

– Турецкий султан Баязид – последователь Магомета, – сокрушался Тимур. – Много «неверных» пало от его рук. Так ведь и я давно уже веду священную войну с «неверными»! Мы могли бы быть с ним союзниками, а встречаемся врагами.

– Как видно, это угодно Аллаху, – утешал Тимура верный шейх Береке.

Стояла жаркая летняя пора. Битва началась около десяти часов утра, когда солнце еще не поднялось до своей высшей точки. Армии противников сошлись у стен Анкары, столицы Анатолии. Войско Тимура было более многочисленным и дисциплинированным, чем сборное войско Баязида. Это давало эмиру преимущество.

Но первая атака воинов Тимура была отбита солдатами армии Баязида. И это лишь распалило свирепых сарбазов. С удвоенной яростью они снова бросились на противника и стали теснить его. Гибель командующего правым крылом армии Баязида внесла смятение в ряды османской армии. Видя, что его войско беспорядочно отступает, Баязид отошел с главными силами на возвышенность, пытаясь занять выгодную для ведения боя позицию.

Тогда воины Тимура стали окружать Баязида, обходя холм с двух сторон, а сам Тимур с 40 резервными полками внезапно атаковал его. Баязид стойко держался до наступления ночи, отбивая непрерывные атаки. Но потери его были слишком велики. Когда темнота окутала землю, турецкий султан сумел выскользнуть из окружения и скрыться.

Уставший Тимур принимал поздравления военачальников, а потом, уединившись, вознес благодарственные молитвы Всевышнему, пославшему ему победу. Трудный бой утомил его, и Тимур лег в постель, собираясь отойти ко сну.

Неожиданно за пологом его шатра раздались шаги и громкие голоса. Тимур приподнялся и с изумлением увидел, как к нему вводят связанного Баязида! Несколько мгновений они молча глядели друг другу в глаза. И вдруг Тимур рассмеялся!

Вспыхнув от негодования, Баязид угрюмо произнес:

– Ты победил, эмир, но это не дает тебе права насмехаться надо мной. Подумай о Всевышнем! Сегодня он благосклонен к тебе, а завтра может повернуться в мою сторону. И тогда мои руки будут в золоте, а твои – в кандалах!

Но, к удивлению окружающих, Тимура не разгневала дерзость пленника. Наоборот, он приказал освободить его руки и, дружески улыбаясь, сказал:

– О нет, султан, я смеюсь вовсе не над твоим плачевным положением. Я даже сочувствую тебе. А рассмешило меня другое. Посмотри: ты – кривой, я – хромой. И кому только Бог вручает власть в этом мире! И он снова рассмеялся.

После этого Тимур распорядился поставить Баязиду шатер рядом со своим и оказать ему достойные почести.

Но это не помешало победителю отдать на разграбление города Анатолии и забрать себе не только сокровища, но и жен Баязида. Сердце турецкого султана не вынесло позорного плена, и он умер от горя. Тимур искренне сокрушался.

* * *

Семь лет провел Тимур в своем последнем походе. Армия вернулась в Самарканд, отягченная золотом, трофеями и победной славой. Тимур отдыхал. Но все чаще чувствовал он угрызения совести за то, что в своих походах он совершил много ошибок. Упиваясь победами, часто терял голову и проливал без меры не только кровь неверных, но и мусульманскую кровь. Эта напрасно пролитая мусульманская кровь лежала на нем тяжким бременем и требовала искупления!

К тому времени уже не было рядом с Тимуром его верного шейха Береке, которому он доверял, как себе.

Но Тимур сам догадался, как надо искупить вину – свою и своих воинов. Китайская империя, страна идолопоклонников, могла стать прекрасной жертвой для искупительной миссии.

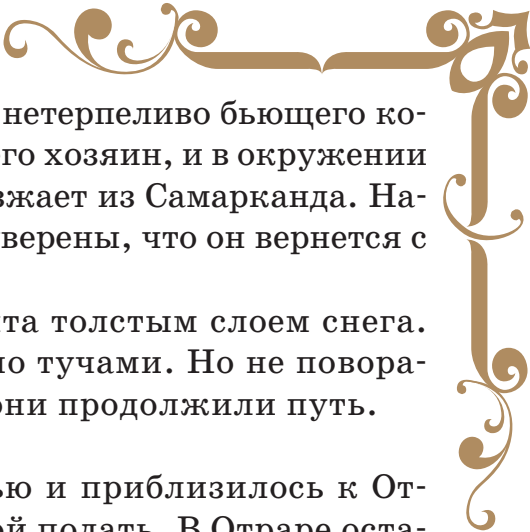
– Я должен пойти в Китай, чтобы разрушить их храмы и разбить их идолов!

Но на совете военачальники не поддержали его. Легко впадавший в гнев Тимур готов был обвинить их в предательстве и казнить. Потом справился со своим гневом и решил действовать убеждением. Он умел зажечь окружающих своим внутренним огнем. И вот уже глаза его военных советников загорелись жаждой священной войны.

Вечером того же дня ему принесли гороскоп астрологов. Увы, оказалось, что момент для начала новой войны выбран неподходящий. Нужно было отложить его хотя бы до весны.

Но Тимур был уверен, что находится под защитой Всевышнего.

И вот, спустя всего пять месяцев после возвращения из семилетнего похода, армия Тимура снова надевает походную одежду.

Отлично снаряженный Тимур садится на нетерпеливо бьющего копытом коня, убранного еще роскошнее, чем его хозяин, и в окружении пышной свиты и двухтысячного войска выезжает из Самарканда. Народ криками восторга провожает его. И все уверены, что он вернется с победой!

Идти лошадям неудобно – земля покрыта толстым слоем снега. И день выдался хмурый, все небо заволокло тучами. Но не поворачивать же армию назад из-за непогоды! И они продолжили путь.

Войско по льду перешло через Сырдарью и приблизилось к Отрару. Отсюда до китайской границы – рукой подать. В Отраре остановились во дворце эмира Берди-бека. Кажется, Тимур простыл, и у него началась лихорадка. Неожиданно в помещении, где остановился Тимур, возник пожар, вызвавший большую панику. Но огонь быстро потушили.

Тимур послал двух людей проверить дорогу, а сам налил вина, чтобы согреться. Вернувшись, его люди сообщили, что выпал снег глубиной в две пики и идти совершенно невозможно.

Тимур был угрюм.

В это время вошел эмир Берди-бек и сообщил, что явился человек по имени Кара-ходжа. От хана Тохтамыша. Хочет видеть Тимура.

Тимур повернул голову. По его лицу пробежала тень.

– Где он?

– Стоит у дверей.

– Пусть подождет.

Эмир поднялся, прошел в зал для приемов и воссел на трон.

– Введите!

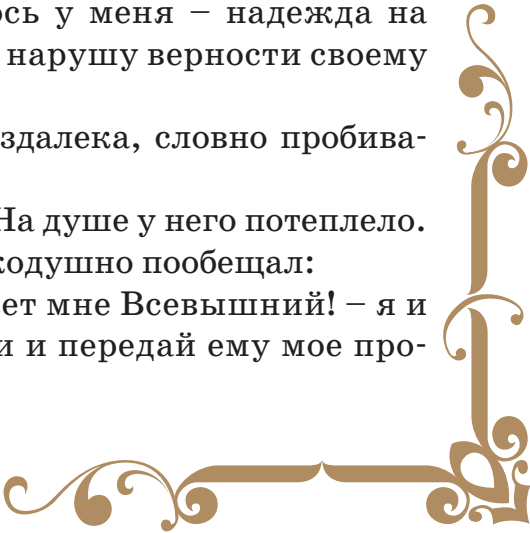
Ввели посланника. Он бросился ниц, целуя царский ковер. Затем произнес слова, которые вложил в его уста хан Тохтамыш...

– Я понес наказание, которое заслужил своей неблагодарностью за столько благодеяний, оказанных мне. Теперь я нахожусь в жалком положении. Единственное, что осталось у меня – надежда на прощение. Если я получу его, то никогда не нарушу верности своему благодетелю!

Слова доносились до Тимура откуда-то издалека, словно пробивались сквозь завесу снежной метели...

Как долго Тимур ждал этого признания! На душе у него потеплело. Он ласково поговорил с посланником и великодушно пообещал:

– Когда я вернусь из похода, – да поможет мне Всевышний! – я и вручу твоему хану Улус Джучи! Теперь иди и передай ему мое прощение.

И он отпустил Кара-ходжу, вручив ему от своего имени подарки для хана Тохтамыша.

Эмиру становилось все хуже. Лихорадка усиливалась. Он лег в постель под теплые одеяла, закрыл глаза и провалился в полную темноту.

В это время нежный мерцающий свет озарил комнату. Нет, это была не комната, а бескрайняя пустыня, посреди которой он лежал. К нему приближался человек, одетый в белые одежды. Он словно плыл над самой землей, не касаясь ее стопами ног. Взор его был устремлен вдаль, а губы шептали молитву.

«Предок Кажул!» – в изумлении прошептал эмир, хотя никогда не видел лица своего далекого родственника.

Человек обернулся и молча посмотрел на него. А издали уже надвигалась другая фигура. Это была женщина с грустными, полными доброго света глазами.

«Бабушка Сайда!» – Тимур рванулся вперед, но не почувствовал ни рук своих, ни ног.

Женщина качнула головой и проплыла, шепча губами беззвучную молитву.

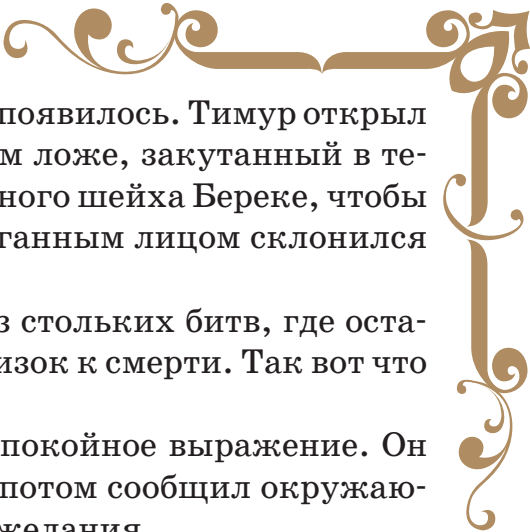
Тимур с напряжением вглядывался вдаль, но никого больше не увидел. Он словно ждал, что появится еще кто-то, кто-то третий, кто не растает в мерцающем свете призрачной пустыни, а остановится и заговорит с ним.

Ему показалось, что пустыня поняла его! Вокруг стало происходить что-то странное. Множество прекрасных деревьев – гигантский тенистый сад, прорастая из-под земли зелеными верхушками, раскинулся там, где только что была мертвая земля.

Возле каждого дерева трудился садовник: обрезал сухие ветки и бережно сохранял живые. Садовников было много, и все они приветливо улыбались друг другу. Вот один из них подошел к нему, подал руку и помог подняться. Потом, все так же улыбаясь, повел его куда-то по аллее.

Тимур с удивлением заметил, что там, где он проходил, птицы умолкали, а цветы становились бледнее.

Они подошли к высоким воротам, расписанным цветными узорами, и садовник молча указал на них. Ворота распахнулись. Тимур вышел и снова оказался в мерцающей призрачным светом бескрайней пустыне. Он в испуге оглянулся назад, но резные ворота уже закрылись.

Видение это исчезло так же внезапно, как появилось. Тимур открыл глаза. Он лежал в той же комнате, на богатом ложе, закутанный в теплые одеяла. И не было больше рядом преданного шейха Береке, чтобы объяснить его странный сон. Над ним с испуганным лицом склонился его лекарь. Их глаза встретились...

Тимур вдруг понял, что, выйдя живым из стольких битв, где оставался неуязвимым, сейчас он как никогда близок к смерти. Так вот что значит его сон!

Собрав силы, эмир придал своему лицу спокойное выражение. Он попросил, чтобы внесли еще светильники, а потом сообщил окружающим, что хочет высказать свои последние пожелания.

Вокруг наступила напряженная тишина.

– Я чувствую, что очень скоро уйду из этого мира. Всевышний призывает меня. А потому я должен назначить своего преемника...

Тимур пристальным взглядом обвел тех, кто стоял перед его ложем, как будто хотел убедиться, что эти люди внимательно слушают и не пропустят ни одного его слова.

– Моим преемником будет мой внук Пир-Мухаммед Джахангир! – произнес Тимур, пытаясь придать своему голосу прежнюю жесткость. – Я хочу, чтобы Самарканд признал в его лице высшую власть. Всем вам я приказываю повиноваться ему, как мне. Поклянитесь!

Все, кто был в эти минуты рядом с эмиром, плакали. Со слезами на глазах они принесли Тимуру торжественную клятву повиновения его предсмертной воле.

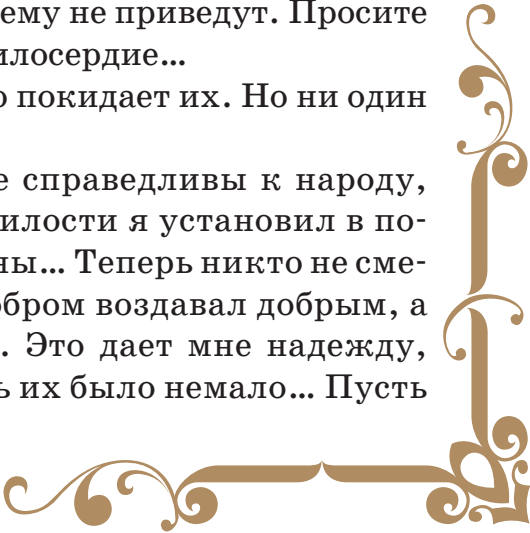
В соседней комнате громко всхлипывали женщины, его жены и наложницы, которых Тимур из-за ухудшившейся погоды собирался отправить обратно в Самарканд. Сраженный неожиданной болезнью, он не успел сделать этого. И сердце его разрывалось от их плача.

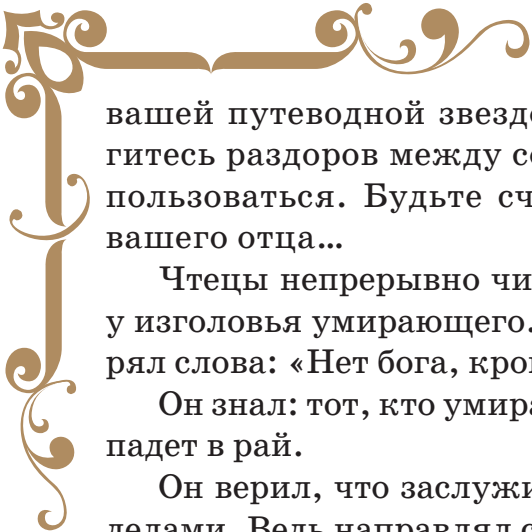
У постели Тимура стояли его сыновья.

– Дети мои, – с чувством произнес Тимур, – вот я и прощаюсь с вами. Не надо ни криков, ни стонов. Они ни к чему не приведут. Просите лучше Аллаха, чтобы проявил ко мне свое милосердие...

Тимур испытал жгучую горечь оттого, что покидает их. Но ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Послушайте, что я вам скажу. Будьте справедливы к народу, как был справедлив к нему я. По Божьей милости я установил в покоренных мной государствах хорошие законы... Теперь никто не смеет дурно поступить со своим ближним. Я добром воздавал добрым, а злых предоставлял их собственной участи. Это дает мне надежду, что Всевышний простит мне мои грехи, хоть их было немало... Пусть

вашей путеводной звездой станут правосудие и благодеяние. Берегитесь раздоров между собой, ибо ваши враги не замедлят этим воспользоваться. Будьте счастливы! Помните всегда последние слова вашего отца...

Чтецы непрерывно читали в его покоях Коран. Один из них стоял у изголовья умирающего. Ослабевший Тимур из последних сил повторял слова: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его...»

Он знал: тот, кто умирает с этими словами на устах, обязательно попадет в рай.

Он верил, что заслужил место в раю своими благими, праведными делами. Ведь направлял свои мысли на то, чтобы сделать людей счастливыми в прекрасном, гармоничном мире.

Он не хотел думать, что заблуждался, выбрав путь огня и крови. Не раскаивался, зная, что украсил свою жизнь награбленными сокровищами, обогранными кровью сотен тысяч несчастных. Сожалел только, что не успел еще большею кровью неверных искупить свою вину перед правоверными, которые приняли из его рук мученическую смерть.

Но он надеялся на снисходительность Всевышнего.

И потому, умирая, как искупление, шептал слова: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его...» С этими словами его душа и отлетела на Суд Божий.

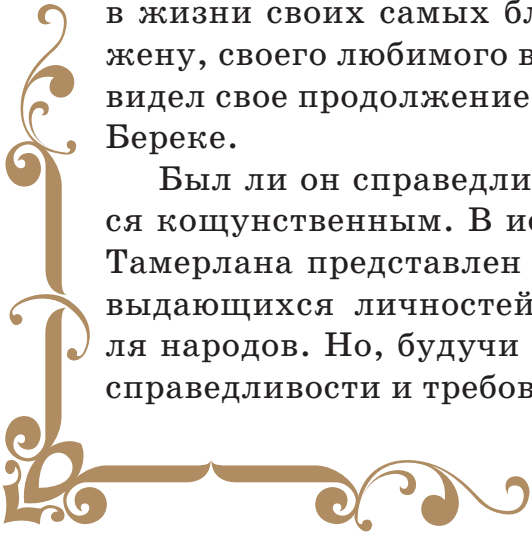
* * *

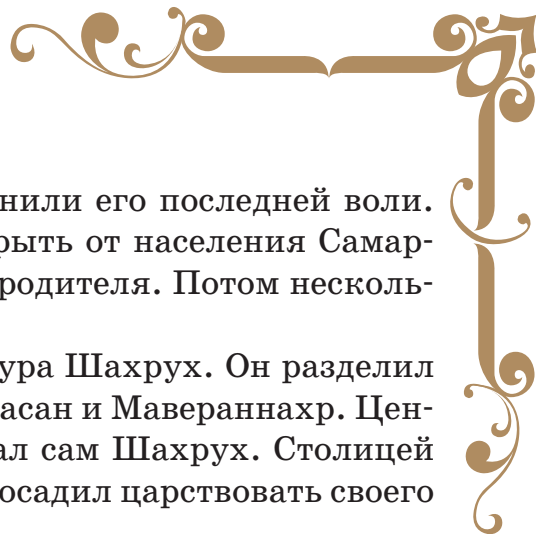
Эмир Тимур прожил 71 год, из них 36 лет он царствовал. Он мечтал о богатстве, счастье и справедливости.

Был ли он богат? Да. Несметные богатства свозились в его самаркандский дворец из всех покоренных стран.

Был ли он счастлив? Счастье – вопрос философский. Если считать счастьем отсутствие несчастья, то – нет. Ведь эмир потерял в жизни своих самых близких людей – любимого сына, любимую жену, своего любимого внука Мирзу-Мухаммед Султана, в котором видел свое продолжение, а также беззаветно преданного ему шейха Береке.

Был ли он справедлив? Кому-то даже сам вопрос этот покажется кощунственным. В исторической памяти разных народов образ Тамерлана представлен по-разному: от ярчайшей звезды в плеяде выдающихся личностей своего времени до кровавого истребителя народов. Но, будучи царствующей особой, он любил говорить о справедливости и требовал ее от своих подданных.

После смерти Тимура сыновья не выполнили его последней воли. Сначала, опасаясь смуты, они пытались скрыть от населения Самарканда сам факт смерти своего венценосного родителя. Потом несколько лет сражались между собой за власть.

Победителем в этой борьбе стал сын Тимура Шахрух. Он разделил созданное Тимуром государство на два – Хорасан и Мавераннахр. Центром Хорасана стал город Герат, где восседал сам Шахрух. Столицей Мавераннахра остался Самарканд, куда он посадил царствовать своего сына, внука Тимура, – Улугбека.

Благодаря полководческому таланту эмир Тимур полностью подчинил государство Хорезм, Герат, Восточный Туркестан, Хорасан, Кандагар, Султанию в Южном Азербайджане, Тебриз, Иран, Афганистан, Дагестан, Грузию, Ирак. Была завоевана Индия, подчинились мамлюки Сирии и Палестины и другие государства Передней Азии.

В результате непрерывных войн была образована огромная империя – империя Тимура. Из династии эмира Тимура вышли великий ученый Улугбек, основатель империи Великих Моголов в Индии – Бабур.

Сыновья Тимура: Джахангир, Омар-Шейх, Мираншах, Шахрух.

Уважаемые читатели!

Книги серии «Знаменитые люди Востока» знакомят детей с людьми, чьи деяния до се-го времени не были достойно отражены в детской художественной литературе. Они охва-тывают крупные исторические события, судьбоносные сражения, межгосударственные отношения, деятельность великих исторических личностей, каганов, батыров и ученых. Книги этой серии помогут развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою Ро-дину, поведают им о делах их великих предков.

Руководитель издательского проекта

К. Раимбеков

Автор

Т. Васильченко

Консультант

*доктор исторических наук, заведующий отделом «Древняя и средневековая история Казахстана» Института истории и этнологии им. Ч.Валиханова
Зардыхан Кинаятұлы*

Художник

К. Каметов

Главный редактор

К. Байгабулова

Художественный редактор

Е. Козлова

Редактор

Л. Антохина

Корректор

О. Боровая

Дизайнцентр издательства «Аруна»

М. Сушков

*Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Чайковского, 190/184, офис 23
Тел./факс: (727) 272 84 11, 272 84 21*

*По вопросам оптовой продажи обращаться в торговый отдел
издательства «Аруна». Тел./факс: (727) 272 84 11, 272 84 21
E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Эту и другие книги издательства Вы можете приобрести книга-почтой,
отправив заказ на наш электронный адрес: E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная»
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд.л. 19. Тираж 10 000 экз.*

Типография «IntellService»

